НѢСКОЛЬКО РАЗОБЛАЧЕНІЙ

О

РУССКИХЪ ФИННОФОБАХЪ

И

ИХЪ ПРОДѢЛКАХЪ.

»Со словомъ надо обращаться честно».
Гоголь.

ВЫПУСКЪ 1-Й.

СТОКГОЛЬМЪ
Типографія О. Л. Сванбека
1902 г.

2 шк
Н

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
502
24.

ПРЕДИСЛОВІЕ

»Современное положеніе русской печати невольно напоминаетъ мнѣ пророчество Исаіи о запустѣніи столицы Едомской (XXXIV, 11—15): »...и завладѣютъ ею пеликанъ и ежъ; и филинъ, и воронъ поселятся въ ней; и протянутъ по ней вервь раззоренія и отвѣсъ уничтоженія. Никого не останется изъ знатныхъ ея ... и всѣ вожди ея будутъ ничто... и будетъ она жилищемъ шакаловъ и пристанищемъ страусовъ. И звѣри пустыни (шакалы) будутъ встрѣчаться тамъ съ дикими кошками и лѣшіе будутъ перекликаться другъ съ другомъ. Тамъ будетъ отдыхать ночное привидѣніе (лилитъ) и находить себѣ покой. Тамъ угнѣздится летучій змѣй, будетъ класть яица, выводить дѣтенышей и высиживать ихъ подъ сѣнью своею; только коршуны будутъ собираться тамъ одинъ къ другому».

»Согласитесь, князь, что эта страшная картина мерзости запустѣнія, какъ нельзя болѣе, подходитъ къ современному положенію нашей печати: среди животныхъ, перечисленныхъ пророкомъ, не достаетъ только тетерева, съ которымъ кн. Мещерскій столь удачно сравнилъ на-дняхъ редактора »Свѣта». Остальныя — всѣ на лицо... Завыванье шакаловъ и цырканье коршуновъ, крики филиновъ и дикихъ кошекъ, карканье воронъ, перекликанье лѣшихъ и змѣиное шипѣнье — вотъ что теперь въ нашей печати сплошь да рядомъ замѣняетъ разумное человѣческое слово, и что считается многими не только болѣе дозволительнымъ, но и болѣе полезнымъ, чѣмъ человѣческое слово. Изъ »знатныхъ» нашей печати не осталось почти никого, — а если

и остались немногіе, такъ и тѣ стали »ничто», обреченные на молчаніе... Одни змѣи безпрепятственно кладутъ яица и выводятъ многочисленныхъ поганыхъ дѣтенышей... Мнѣнія »звѣрей пустыни» по вопросамъ внутренней политики достаточно извѣстны,.... Ихъ государственно-общественный идеалъ, идеалъ звѣринаго безчинства, идеалъ дремучей непроходимой пустыни и развалинъ, — выяснился съ полной опредѣленностью. Ихъ проповѣдь всеобщаго одичанья и разрушенья едвали можетъ успокоить умы въ настоящее тревожное время. ...»

Такимъ образомъ отзывается о современной реакціонной русской печати извѣстный русскій публицистъ, князь С. Н. Трубецкой, въ своемъ открытомъ письмѣ князю Э. Э. Ухтомскому въ N:о 100 »С. Петербургскихъ Вѣдомостей» 1899 г. Нравственный упадокъ этой печати и ея одичанье представляются въ настоящее время, на самомъ дѣлѣ, совершенно исключительнымъ явленіемъ въ Европѣ, противнымъ основнымъ принципамъ этики и несообразнымъ съ точки зрѣнія цивилизаціи. — Взирая на безпристанные нападки на Финляндію какъ въ лже-патріотической печали, такъ и въ различныхъ многочисленныхъ пасквиляхъ, издаваемыхъ за послѣднее время въ Россіи, поражаешься, прежде всего, лживостью, наглостью и цинизмомъ означенныхъ произведеній. Но еще возмутительнѣе является отношеніе къ этой литературѣ современной »русской власти». Стоя на стражѣ »чести» и интересовъ нѣкоторыхъ крупныхъ чиновниковъ, она, съ одной стороны, поддавляетъ всякое безпристрастное и дѣльное освѣщеніе финляндскихъ дѣлъ; съ другой же стороны, приспѣшники русскаго правительства сами прямо содѣйствуютъ распространенію всякаго рода лжи про Финляндію, при посредствѣ оффиціозовъ, »Россійскаго телеграфнаго агентства», подкупленныхъ корреспондентовъ, жандармскихъ доносовъ и пр. Сверхъ сего, по свѣдѣніямъ, довольно достовѣрнымъ, въ Петербургѣ, при финляндскомъ статсъ-секретаріатѣ, или какомъ-либо министерствѣ, состоятъ особые чиновники со спеціальнымъ назначеніемъ снабжать европейскую печать извѣстіями о Финляндіи, прикрашенными въ плеве-бобриковскомъ духѣ. Проявляя свое пристрастіе по отношенію къ Финляндіи, временщики наконецъ и этимъ самымъ подстрекаютъ всякихъ прихвостней глумляться надъ священнѣйшими чувствами финскаго народа, клеветать вообще на Финляндію и обливать потоками грязи уважаемыхъ всѣми лицъ, занимающихъ въ краѣ не

только почетныя административныя должности, но и исполняющихъ честно и безупречно высокія обязанности народныхъ представителей.

Одновременно такое безнравственное изданіе, какъ »Новое Время», пользуется прямымъ »прожектерствомъ» правительства*) и поощряется — какъ утверждаютъ —, наравнѣ съ пресловутыми »Московскими Вѣдомостями», ежегодною даже субсидіей въ самыхъ огромныхъ размѣрахъ.

Для наглой и лживой же »Финляндской Газеты» было — несмотря на отклоненное Императорскимъ Финляндскимъ Сенатомъ ходатайство генералъ-губернатора по сему предмету — незаконнымъ образомъ предписано выдать единовременно 30,000 марокъ и, кромѣ того, ежегодно такую же сумму изъ финляндскихъ государственныхъ средствъ.**) Такимъ образомъ средства финскаго народа произвольно расходуются на поддержаніе и развитіе безсовѣстной и жестокой травли, направленной противъ населенія и всего, что есть болѣе честнаго въ Финляндіи.[1])

---

*) »Правительственный Вѣстникъ» счелъ даже возможнымъ дать »Новому Времени», по поводу его 25-лѣтняго юбилея, между прочимъ слѣдующій похвальный отзывъ: — »несомнѣнно, что »Новое Время» занимаетъ самое выдающееся изъ всѣхъ частныхъ газетъ нашихъ (русскихъ) и вліятельное положеніе» . . .

**) Кстати вспомнимъ, что еще въ 1876 г. 24-го апрѣля нѣкій В. И. Ассоновъ подалъ въ Императорскій Финляндскій Сенатъ прошеніе о предоставленіи ему права издавать русскую газету въ Финляндіи. На всеподданнѣйшее представленіе сената послѣдовалъ Высочайшій отказъ: Государь и Великій Князь Александръ II на докладной запискѣ собственноручно начерталъ, что признаетъ изданіе таковой газеты въ Финляндіи излишнимъ, — какъ это видно изъ отношенія финляндскаго министра статсъ-секретаря отъ 24-го апрѣля 1876 г. къ и. д. генералъ-губернатора. Вторичное представленіе по сему дѣлу отъ 10-го ноября 1890 г. также не повело къ результату, — на этотъ разъ вслѣдствіе возраженій министра внутреннихъ дѣлъ, изложенныхъ въ особомъ отзывѣ, поданномъ имъ на Высочайшее благоусмотрѣніе. — Эти свѣдѣнія были, въ свое время, доставлены также и въ редакцію »Финляндской Газеты» для пополненія пробѣла въ замѣткѣ ея »Нѣсколько словъ о русскомъ органѣ въ Финляндіи», помѣщенной въ первомъ номерѣ, но, со свойственной этой газетѣ »безпристрастіемъ», не приняты для напечатанія.

[1]) Въ тѣсныхъ рамкахъ настоящаго изданія нѣтъ никакой

Настоящее изданіе, заключая въ себѣ только незначительное число случайно подобранныхъ статей, даетъ, разумѣется, лишь самое ограниченное понятіе о позорной дѣятельности завзятыхъ финнофобовъ. Болѣе обстоятельное разсмотрѣніе ихъ

возможности дать надлежащую оцѣнку неслыханной недобропорядочности и безнравственности »Финляндской Газеты», — этого лейбъ-органа генерала Бобрикова. Отмѣтимъ здѣсь лишь нѣкоторые примѣры сознательнаго политическаго обмана. Итакъ въ N:о 118 »Финляндской Газеты» 1901 г. сообщается, будто »масса населенія въ городахъ и селеніяхъ края» встрѣтила Высочайшій манифестъ и новые противузаконные декреты о воинской повинности въ Финляндіи »не только спокойно» ... »но и съ глубочайшею благодарностью за милость, съ полнымъ сознаніемъ справедливости и з а к о н н о с т и новаго устава» .... Цитируя далѣе корреспондента »Московскихъ Вѣдомостей» (N:о 216 отъ 8:го августа) — одного изъ своихъ же сотрудниковъ — газета продолжаетъ: »Всюду настроеніе удивительно хорошее. Причина этому — манифестъ отъ 29-го іюня. Всѣ, б е з ъ и с к л ю ч е н і я (курсивъ нашъ), крестьяне глубоко благодарны Царю за новую милость финскому народу» ... Можно ли, на самомъ дѣлѣ, представить себѣ болѣе наглый обманъ, нежели это оффиціальное сообщеніе бобриковскаго органа! — Окончательно ложными представляются также отдѣльные примѣры, приводимые тутъ же газетою, какъ-то заявленіе о настроеніи населенія, хоть бы близъ д. Перкіярви Выборгской губерніи; жители этой деревни и близъ лежащихъ дворовъ отлично опровергнули возводимую на нихъ клевету, давъ не менѣе 400 подписей для почти полумилліоннаго адреса-протеста финскаго народа, представленнаго Государю и Великому Князю именно по поводу незаконнаго вышеупомянутаго устава. Что касается грязнописанія газеты о личностяхъ нѣкоторыхъ передовыхъ финляндскихъ дѣятелей какъ въ этой, такъ и въ другихъ статьяхъ, то нечего и говорить, что это сплошная ложь, въ которой нѣтъ ни тѣни правды. (См. между прочимъ »С. Петербургскія Вѣдомости», N:о 239, отъ 1 (14) сентяря 1901 г.). Далѣе отмѣтимъ прискорбный фактъ — лживую реляцію о первой поѣздкѣ квазигубернатора генерала Кайгородова по Нюландской губерніи, переданную слово въ слово также въ »Правительственномъ Вѣстникѣ»; на самомъ дѣлѣ эта поѣздка была далеко не тріумфальнымъ шествіемъ для этого генерала, и ему приходилось во время оной со смиреніемъ, то и дѣло, слышать и испытывать много горькаго для себя, въ качествѣ незаконнаго губернатора, истины. — Мимоходомъ вспомнимъ также лицемѣрное до комизма и превратное изложеніе о современномъ цензурномъ режимѣ въ Финляндіи. (»Цензура финляндской прессы и нападки на нее» N:о

своеобразной литературы заняло бы нѣсколько томовъ скучнаго изложенія. Изъ напечатанныхъ въ этомъ изданіи статей читатель, однако, можетъ провѣрить прежнія впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ многочисленныхъ изданій вышеназванныхъ лицъ, в

186, 187 и 188 1901 г.). Также извращеннымъ и до неузнаваемости прикрашеннымъ представляется отчетъ »Финляндской Газеты» (N:o 54) о уличныхъ безпорядкахъ 17-го и 18-го апрѣля въ Гельсингфорсѣ, — какъ въ отношеніи непосредственныхъ поводовъ и характера этихъ событій такъ и отдѣльныхъ ихъ частностей. Такъ, напримѣръ, сказано, что и. д. помощника полиціймейстера, штабсъ-капитанъ Максимовъ »былъ серьезно раненъ въ голову кускомъ льда». А между тѣмъ вся публика знаетъ и видѣла, что упоминаемый тутъ же жандармъ (на выручку котораго спѣшилъ Максимовъ съ обнаженнымъ оружіемъ), махая въ исступленіи выхваченною шашкою, нанесъ своему же пособнику, Максимову, по лицу рану, характерную для шашечнаго удара; одновременно и два работника были легко ранены этимъ же жандармомъ; неправильно также сообщеніе газеты, что »изъ оконъ бросали полѣнья и пузырьки съ какою-то жидкостью» и т. д., и т. д. Съ другой стороны, »Ф. Г.», конечно, совершенно умалчиваетъ, что жандармскій ротмистръ Тунцельманъ-фонъ-Адлерфлугъ причинилъ фехтовальному учителю г:ну Мекмонтану, пытавшему спасти даму отъ нагаекъ казаковъ, въ лобъ сабельную рану 6 см. длины; что оренбургскіе казаки вели себя какъ башибузуки, обнаруживая свою храбрость въ особенности противъ женщинъ и одинокихъ людей на боковыхъ улицахъ, проникая по лѣстницамъ съ обнаженными шашками въ частные дома и даже хирургическую больницу, избивая на дворахъ людей, о происходившемъ ничего не знавшихъ, и пр., и пр. А между тѣмъ генералъ Бобриковъ въ N:o 65 своей газеты помѣщаетъ благодарственный приказъ казакамъ, въ которомъ онъ, ссылаясь на »дознаніе», произведенное начальникомъ штаба, генераломъ Родзянко (коему казаки, какъ и жандармы непосредственно подчинены) утверждаетъ, будто »казаки высылались изъ состава сотни не иначе, какъ взводами и отдѣленіями, подъ командою офицеровъ, оставаясь такимъ образомъ во все время командировки въ рукахъ ответственныхъ начальниковъ». (Курсивъ нашъ). — Къ чему, на самомъ дѣлѣ, послужитъ, вся эта очевидная ложь?.... Въ больницахъ, вѣдь, было 18-го апрѣля перевязано 13 человѣкъ за увѣчья и раны, а въ бюро, составленномъ по частному почину изъ юристовъ для всесторонняго разслѣдованія всѣхъ учиненныхъ насилій, подано не менѣе 140 свидѣтельскихъ показаній. — Одновременно, всѣ небылицы, разсказываемыя »Финляндскою Газетою» про упомянутыя выше происшествія, равно какъ и иныя

также отчасти усмотрѣть тѣ средства, которыми пользуется реакціонная камарилла, чтобы ввести въ заблужденіе русское общество насчетъ финляндскихъ дѣлъ и такимъ образомъ провести свои преступные замыслы въ Финляндіи.

безсовѣстныя вымыслы были пущены въ ходъ и распространены по всей европейской печати, при посредствѣ »Россійскаго телеграфнаго агентства», а также въ видѣ спеціальныхъ корреспонденцій изъ Гельсингфорса и Петербурга, со ссылкой въ большинствѣ случаевъ на »Финляндскую Газету» и въ дословномъ согласіи съ нею. Когда, вслѣдствіе этого, »Hufvudstadsbladet» въ передовой статьѣ въ N:o 122 возстала противъ такого рода злоупотребленій, то Ф. Г. (N:o 64) нагло пыталась, вопреки наличнымъ фактамъ, дать неловкому для нея дѣлу совершенно иной, неправдивый, оборотъ, заявивъ, что жалобы »Hufvudstadsbladet» должны быть направлены противъ, яко бы, »мѣстныхъ финляндскихъ фабрикантовъ сенсаціонныхъ извѣстій».

Впрочемъ, *любой номеръ* газеты генерала Бобрикова изобилуетъ грубыми искаженіями фактовъ, невѣрными рефератами финляндскихъ газетъ, сознательнымъ извращеніемъ точныхъ законоположеній, не говоря ужъ о томъ, что она вся проникнута холопскимъ духомъ. Послѣ сказаннаго понятно, какую вѣру можно придавать »правдѣ», которую »Финляндская Газета», по собственному выраженію ея, »преслѣдуетъ». (См. замѣтку Ник. Михайловскаго въ »Русскомъ Богатствѣ» 1901, N:o 11, стр. 75. — Отмѣтимъ тутъ же нѣкоторыя сужденія о »Финляндской Газетѣ», появившіяся въ русскихъ газетахъ: »Сѣверный Курьеръ», N:o 23 1899 г. и N:o 371 1900 г., »Русскія Вѣдомости», N:o 29 1901 г., »С. Пет. Вѣдомости», N:o 140 1901 г., »Новости» (»Провинціальные мотивы») N:o 222 1901 г. и т. д.).

I.

Г:НЪ »—Ъ» ВЪ »МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЯХЪ».

Въ N:о 8, 9, 10 и 11 »Московскихъ Вѣдомостей»*) за минувшій 1901 г. нѣкій бобриковскій агентъ помѣстилъ свои своеобразныя статьи про чрезвычайный финляндскій сеймъ, предусмотрительно подписавъ ихъ только буквою »—ъ». »Моск. Вѣдомости» вообще, въ этихъ и иныхъ статьяхъ, дерзновенно и пока совершенно безнаказанно, оскорбляютъ финляндскихъ народныхъ представителей и финляндскія власти за то — собственно говоря — что они, опираясь на клятвенное царское слово, на дѣйствующее конституціонное право финскаго народа, непоколебимо вѣруютъ въ конечное торжество нравственныхъ силъ въ финско-русскомъ правовомъ конфликтѣ. Въ своемъ вступленіи упомянутый выше анонимный корреспондентъ говоритъ, что »общіе результаты работъ Чрезвычайнаго Финляндскаго Сейма въ 1899 году были отмѣчены своевременно, также отмѣчена была и та, на землѣ Русской доселѣ неслыханная, дерзость(!) которую сочли возможнымъ выставить на показъ финляндскіе представители». — »Въ виду этого» — продолжаетъ онъ — »нынѣ слѣдуетъ и русскимъ людямъ**) узнать объ этомъ твореніи финляндскаго ненавистничества(!) и оцѣнить съ русской(?)**) точки зрѣнія непомѣрность финляндскихъ домогательствъ». Другими

*) См. примѣчаніе въ концѣ этой главы.

**) Курсивъ нашъ.

словами говоря, въ глазахъ раболѣпствующаго г:на »—ъ», безсомнѣнная правда, самое торжественное право, законъ и законность, также какъ и сознательное и небоязливое исполненіе вѣрноподданническаго долга одно и тоже что »дерзость», »ненавистничество» и »непомѣрность финляндскихъ домогательствъ». Не даромъ г:нъ »—ъ» въ своихъ статьяхъ съ неслыханною недобросовѣстностью систематически умалчиваетъ все то, что постановляютъ по сюда относящемуся предмету основные законы Финляндіи, ея »на всегдашнія времена» и для »всѣхъ наслѣдниковъ» »торжественнѣйше» утвержденная конституція.

Это, конечно, весьма характерный пріемъ не только для г:на »—ъ» въ частности, но и для сотрудниковъ »Московскихъ Вѣдомостей» вообще. Почему же онъ, напримѣръ, ограничился такой лишь лаконической и для неосвѣдомленныхъ совершенно сбивчивой фразой (въ статьѣ IV-й): »Земскіе Чины, утверждая, что право ихъ участія въ законодательствѣ по воинской повинности — »ясно», ходатайствуютъ...» и т. д., не излагая при томъ нижеслѣдующія положенія основныхъ законовъ, на которыхъ покоится это право и кои приведены на стр. 135 всеподданнѣйшаго отвѣта чрезвычайнаго Сейма цѣликомъ:

а) »Король не можетъ издать новыхъ законовъ, ниже старыхъ уничтожить, безъ вѣдома и согласія Государственныхъ Чиновъ». (Форма правленія § 40).

б) »Государственные Чины не могутъ издать новыхъ законовъ, ниже старыхъ уничтожить безъ вѣдома и согласія Короля». (Форма правленія § 41).

в) »Его Королевское Величество обязанъ покровительствовать и защищать государство, особенно противу непріятельскихъ силъ, но онъ не можетъ противу закона, присяги своей при помазаніи и своего Акта увѣренія налагать на подданныхъ какіе-либо военные налоги, новыя повинности, рекрутскіе наборы и иныя тяжести, безъ вѣдома, доброй воли и согласія Государственныхъ Чиновъ, за исключеніемъ однако тѣхъ несчастныхъ случаевъ, когда вооруженное нападеніе на государство учинено будетъ: тогда Его Королевское Величество имѣетъ право принимать мѣры, согласующіяся съ безопасностью государства и пользою подданныхъ; но по окончаніи войны, Государственные Чины должны собраться и новые налоги, войною причиненные, тотчасъ уничтожаются.» (Форма правленія § 45).

г) Изданіе, измѣненіе, поясненіе или отмѣна основного закона можетъ послѣдовать не иначе, какъ по предложенію Государя Императора и Великаго Князя и съ согласія всѣхъ сословій.» (Сеймовый Уставъ § 71).

д) »Высочайше одобривъ и утвердивъ, сего числа, принятый Земскими Чинами Финляндіи Уставъ о воинской повинности въ Великомъ Княжествѣ, Мы, согласно представленію Сейма, признали за благо Высочайше повелѣть нижеслѣдующіе §§:фы Устава, въ виду особеннаго ихъ значенія и отчасти заключающихся въ нихъ измѣненій основныхъ законовъ, а именно: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 9, 13, 19, 20, 120, 121, 122 и 123, считать основными законами.» (Высочайшій Манифестъ 6/18 декабря 1878 года).

Почему же г. »—ъ» не касается ни одного изъ Высочайшихъ утвердительныхъ грамотъ или торжественныхъ удостовѣреній всѣхъ русскихъ Царей за послѣднее столѣтіе. Хоть бы онъ привелъ Высочайшее удостовѣреніе, данное финскому народу нынѣ царствующимъ Государемъ и Великимъ Княземъ при восшествіи его на престолъ и имѣющее слѣдующее содержаніе:

»Произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ наслѣдственное обладаніе Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ, признали мы за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить религію, основные законы, права и преимущества, которыми каждое сословіе сего Великаго Княжества въ особенности и всѣ подданнее, оное населяющее, отъ мала до велика, по установленіямъ сего края до нынѣ пользовались, обѣщая хранить оные въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи.

Ливадія, 25 октября (6 ноября) 1894 г.

НИКОЛАЙ.»

Далѣе г. »—ъ» наивно полагаетъ, что оцѣнить »съ русской точки зрѣнія» можетъ только реакціонная печать и въ частности, конечно, органъ Грингмута и »Финляндская Газета». Но, вѣдь, это ничто иное какъ дерзкое оскорбленіе всему образованному русскому обществу!... Едва ли кого-нибудь, хоть немного интеллигентнаго, ему удастся подобными пустыми фразами

морочить ... Во всякомъ случаѣ г. »—ъ» не имѣетъ никакого правомочія говорить отъ лица всѣхъ русскихъ или во имя русскаго достоинства... Напротивъ того, всѣ лучшіе люди русскаго общества, вся просвѣщенная Россія, разумѣется, безусловно сочувствуютъ праведному дѣлу Финляндіи, выказывая это, по мѣрѣ возможности, и на дѣлѣ многими примѣрами.

Въ русской печати говорилось, какъ извѣстно, о Финляндіи столько всякихъ глупостей, столько неправды и подлости, благодаря разнымъ господамъ въ родѣ Зейна, Дебеша, Бородкина, что, право, становится жаль бѣдныхъ читателей, которымъ приходится довольствоваться тою духовною пищею, которая подъ названіемъ »истинно русскаго духа» преподносится имъ обскурантами различныхъ категорій.

Повѣдавъ читателямъ »Моск. Вѣд.» относительно тѣхъ задачъ, которыя были предложены Сейму, авторъ статьи замѣчаетъ: »Но земскіе чины не оправдали высокаго довѣрія, о н и о т к л о н и л и переданныя имъ Высочайшія предложенія». Далѣе онъ продолжаетъ, что отзывъ Сейма представляетъ трактатъ политическаго характера, въ которомъ, повторяются будто »лжеученія о финляндской конституціи» и »всякія другія толкованія», которыя, дескать, »съ такою очевидностью опровергались на основаніи историческихъ фактовъ и документовъ.» Вся эта жалкая клевета опять-таки была бы наивна и глупа, еслибъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, не разоблачила полнѣйшее отсутствіе понятій объ элементахъ финляндскаго законодательства и конституціоннаго права вообще. Сеймъ оправдалъ »довѣріе» своего монарха именно тѣмъ, что откровенно, безъ кривленій и не смущаясь, изложилъ фактическое положеніе дѣлъ по всѣмъ вопросамъ, своевременно отклоняя разсмотрѣніе тѣхъ изъ нихъ, которые переданы Земскимъ Чинамъ въ силу манифеста 3/15 февраля 1899 года, т. е. не въ порядкѣ, установленномъ основными законами края. Всеподданнѣйшій отвѣтъ Сейма, во всѣхъ отношеніяхъ, заслуживаетъ именно всеобщаго вниманія и изученія, уже благодаря серьезности и обширности заключающагося въ немъ матеріала. Разбирать этотъ трудъ слѣдуетъ, конечно, при ч е с т н о м ъ отношеніи къ истинѣ и фактическимъ доводамъ, а не такъ какъ разбираетъ его какой-нибудь подкупный анонимный корреспондентъ »Московскихъ Вѣдомостей», дополнившій свое скудное образованіе въ разныхъ канцеляріяхъ военныхъ штабовъ.

Относительно »финляндскихъ лжеученій» можно замѣтить, заврашемуся корреспонденту, что эти ученія признаны не только всѣми русскими монархами послѣдняго столѣтія — и даже нынешнимъ при восшествіи его на престолъ —, не только всѣмъ финскимъ народомъ, но также всею русскою просвѣщенною печатью, лучшими русскими людьми и всѣмъ ученымъ міромъ на западѣ.*)

---

*) Даже самыя »Московскія Вѣдомости», еще въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, несмотря на всю свою явную непріязнь по отношенію къ Финляндіи, не могли отрицать за Финляндіею существованіе особой конституціи, особаго самостоятельнаго законодательства и т. д. Въ этомъ отношеніи болгарскій ученый, докторъ государственнаго права Борисъ Минчесъ, приводитъ въ своей брошюрѣ »Staatsstreich in Finland und national-russische Eroberungspolitik» на стр. 35 нѣсколько краткихъ, но тѣмъ не менѣе любопытнымъ извлеченій. Итакъ, »Московскія Вѣдомости» за 1871 г. N:о 50, 7-го марта ст. ст., въ передовой статьѣ, между прочимъ, замѣчаютъ: »Нынѣ Финляндія для насъ сосѣднее государство» .... Въ 1883 году въ другой передовой статьѣ отъ 11-го марта говорится: »Финляндія представляетъ собою совершенно отдѣльный отъ Россіи государственный организмъ. У нея своя конституція, своя особая финансовая и торговая политика, своя особая денежная система, свой особенный таможенный тарифъ» .... Въ 1884 году столь вліятельный въ свое время органъ Каткова написалъ, что Финляндія находится почти въ отношеніи личной связи къ Россіи. А въ 1885 г. газета въ N:о 136 въ передовой статьѣ отъ 19-го мая, энергично отстаивая, въ прямыхъ интересахъ русскихъ торговцевъ, необходимость финляндской таможенной границы, заявляетъ, что Финляндія имѣетъ »особое самостоятельное управленіе, изъятое изъ вѣдѣнія русскихъ общегосударственныхъ учрежденій, особое подданство, особое законодательство, особую монетную систему» ... И далѣе въ той же статьѣ, по поводу таможенныхъ отношеній, говорится: »Одна изъ статей этого закона (Св. Зак. т. VI, ст. 1536), гласящая что Министерство финансовъ, равно и финляндское начальство, обязана извѣщать взаимно одно другое о всѣхъ постановленіяхъ и частныхъ разрѣшеніяхъ какія послѣдовать могутъ въ Имперіи и Финляндіи по предметамъ касающимся торговыхъ сношеній между Имперіей и Финляндіей, прямо указываетъ, что законодатель (т. е. русскій — прим. наше) смотрѣлъ на Финляндію какъ на особленное цѣлое, соединенное съ Имперіей почти только личною связью». — (Какъ извѣстно, теорія о »личной уніи» не имѣетъ сторонниковъ даже въ Финляндіи, какъ это, между прочимъ, видно изъ всеподданнѣйшаго отвѣта чрезвычайнаго сейма, стр. 137).

»Тотъ же г:нъ »—ъ» безстыдно лжетъ, утверждая, будто эти ученія »съ такою очевидностью опровергнуты на основаніи историческихъ фактовъ и документовъ». Кто опровергнулъ ихъ?.... Ординъ, Еленевъ, триединый Бородкинъ (во трехъ лицахъ: Бородкинъ, Абовъ и Михайловъ), Мессарошъ и прочіе финнофобствующіе »гешефтмахеры», прикрывающіе свои продѣлки различными болѣе или менѣе громкими, но въ сущности совершенно пустыми фразами. Пытаясь опровергать, они дѣйствительно лгали и подтасовывали историческіе факты по мѣрѣ силъ своихъ и умѣнія, но до сихъ поръ пока ничего не опровергли.*) Можетъ быть думаютъ, что русскій читатель, не

---

*) Всѣ измышленія и умозаключенія этихъ политиканствующихъ декадентовъ были, какъ извѣстно, пунктъ за пунктомъ разобраны и опровергнуты, на основаніи доводовъ, почерпаемыхъ изъ оффиціальныхъ актовъ, какъ въ русскихъ архивахъ, такъ и въ финляндскомъ статсъ-архивѣ, и подлинность которыхъ даже самые ярые финнофобы не дерзали отрицать. Главнымъ образомъ полемика со стороны Финляндіи, велась, разумѣется, гельсингфорсскими газетами. Изъ числа болѣе обстоятельныхъ опроверженій, появившихся въ свое время, по поводу злостныхъ и лживыхъ нападокъ г:на К. Ордина, назовемъ между прочимъ: сенатора, профессора государственнаго права Л. Мехелина »Отвѣтъ г:ну Ордину» въ »Вѣстникѣ Европы» 1888 г. за мартъ мѣсяцъ; статья профессора историческихъ наукъ Р. Даніельсона »Императоръ Александръ I и политическое положеніе Финляндіи» въ журналѣ »Вальвоя» 1889 г., январская книжка, а также прекрасный трудъ послѣдняго автора »Соединеніе Финляндіи съ Россійскою Державою», Гельсингфорсъ, 1890 г., разоблачающій подробно весь недобропорядочный элементъ въ сочиненіи К. Ордина »Покореніе Финляндіи» (удостоенномъ — увы! — Императорской Академіей Наукъ преміи митрополита Макарія). — Рецензіи книги Ордина встрѣчаются: г. Глинскаго въ апрѣльской книжкѣ »Историческаго Вѣстника» за 1890 г., въ »Вѣстн. Европы» за май 1890 г. и т. д. Неприличное поведеніе нѣкоторыхъ органовъ русской печати въ отношеніи финляндскихъ дѣлъ дошло наконецъ до того, что даже самъ генералъ-губернаторъ графъ Гейденъ счелъ необходимымъ протестовать противъ грубыхъ искаженій »Московскихъ Вѣдомостей», помѣстивъ въ »Правительственномъ Вѣстникѣ», N:o 100, 1889 г. всеподданнѣйшую докладную записку, предварительно предъявленную Государю и Великому Князю и имъ же утвержденную. Однако, нападки на Финляндію, а теперь уже и на графа Гейдена, продолжались безпрерывно. Наконецъ министръ внутрен-

встрѣчая возраженій на русскомъ языкѣ, удовольствуется трудами вышеназванныхъ лицъ и на томъ и успокоится, принявъ подносимую ими ложь за непреложную истину? — Напрасно! — Всякій понимаетъ, что по финляндскимъ дѣламъ въ Россіи нельзя встрѣтить другихъ сочиненій на русскомъ языкѣ, кромѣ вышеприведенныхъ авторовъ, и только потому, что цензура и нынешнее русское правительство съ ними за одно. Только самый наивный читатель »Свѣта« или »Московскихъ Вѣдомостей« можетъ еще повѣрить всѣмъ небылицамъ, разсказываемымъ ему съ такою неприличною развязностью различными двусмысленными господами. Уже одно отношеніе къ изданіямъ по финляндскимъ дѣламъ русской цензуры должно же показаться подозрительнымъ. Правда никого не боится и смѣло смотритъ всѣмъ въ глаза. Чтобы провести неправое дѣло и скрыть истину необходимо насиліе, нужна помощь цензуры. Неужели этого не понимаютъ современные руссификаторы? Всѣмъ выходцамъ изъ оврага дано право метать грязью во Финляндію и ея лучшихъ сыновъ, между тѣмъ у этихъ послѣднихъ отнята всякая возможность защищаться. Пожалуй, и это, по понятіямъ финнофобовъ, надлежитъ »съ русской точки зрѣнія« назвать честнымъ пріемомъ?

Уснащая свою статью перефразированными выдержками изъ отзыва чрезвычайнаго финляндскаго Сейма и поставивъ несмѣтное число вопросительныхъ и восклицательныхъ знаковъ послѣ нѣкоторыхъ выраженій, отчасти напечатанныхъ даже курсивомъ, г. »—ъ« — этотъ офицеръ-чиновникъ — видимо, сгораетъ нетерпѣніемъ, чтобы встать въ позу ретиваго и безгранично преданнаго слуги своихъ

нихъ дѣлъ объявилъ въ 1890 г. »Московскимъ Вѣдомостямъ« первое предостереженіе, которое нынѣ, въ 1901 году, съ Высочайшаго разрѣшенія, сложено съ этой газеты (См. »Вѣстникъ Европы« за апрѣль мѣсяцъ 1901 г., стр. 871). Что касается многочисленныхъ изданій цензора Ѳ. Еленева, то они являются такимъ же сборникомъ недоказанныхъ выводовъ, неправильныхъ показаній, извращеній и клеветы, какъ и книга Ордина, — а, главнымъ образомъ, лишь повтореніемъ послѣдней. Книжки Еленева подобающимъ образомъ, оствѣщены: въ книгѣ Даніельсона »Внутренняя самостоятельность Финляндіи« 1902 г., изданная также на русскомъ языкѣ, въ статьѣ Л. Мехелина »Новая книга Г:на Ѳ. Еленева«, въ декабрской книжкѣ »Вѣстника Европы« 1898 г. и т. д. Относительно же писательскихъ произведеній г. Бородкина см. выпускъ 2-й, гл. VII настоящаго изданія.

господъ. Такъ, напримѣръ, поговаривая цинически объ отечествѣ и о политическомъ существованіи финскаго народа, онъ потрудился почему-то и здѣсь поставить свои вопросительные знаки. Мы, конечно, не будетъ вдаваться съ какимъ-нибудь г:мъ »—ъ» въ разборъ тѣхъ глубоко серьезныхъ основаній, коими опредѣляется фактическій смыслъ и значеніе понятія объ отечествѣ какъ въ этнографическомъ, историческомъ, такъ и въ этическомъ отношеніяхъ. Намъ достаточно указать лишь на нѣкоторые, относящіеся сюда и не подлежащіе изскаженію Высочайшіе манифесты. Стоитъ только привести слѣдующія слова Императора Александра I:го — основателя, такъ сказать, дѣйствующаго нынѣ въ Финляндіи правового строя — произнесенныя имъ при торжественномъ открытіи боргоскаго сейма въ день 16-го марта 1809 года: »Я желалъ васъ видѣть, чтобы дать вамъ новое доказательство Моимъ намѣреніямъ для блага в а ш е г о о т е ч е с т в а *) — pour le bien de votre patrie. Я обѣщалъ сохранить вашу конституцію, ваши основные законы — votre constitution, vos loix fondamentales.... Это собраніе составитъ эпоху въ вашемъ п о л и т и ч е с к о м ъ с у щ е с т в о в а н і — fera époque dans votre existence politique.» — И далѣе: »Да будутъ любовь въ о т е ч е с т в у — l'amour de la patrie —, любовь къ порядку и непоколебимая гармонія вашихъ видовъ душою вашихъ обсужденій».

При закрытіи боргоскаго сейма 19-го іюля Государь между прочимъ торжественно выражается слѣдующимъ образомъ: »Мнѣнія, которя вы теперь изложили, носятъ характеръ мудрости и любви къ о т е ч е с т в у — l'amour de la patrie... Inspirez — leur la même conviction, la même assurance sur les objects les plus importans de votre existence politique; le maintien de vos loix, la sûreté personelle, le respect inviolable à vos propriétés». И далѣе: »Placé désormais au rang des nations sous l'empire de ses loix, il etc.

Въ манифестѣ отъ 15/26 марта 1810 о военномъ устройствѣ Финляндіи Государь между прочимъ заявилъ: »Съ тѣхъ поръ какъ Провидѣніе вручило Намъ судьбу Финляндіи, Мы рѣшились управлять этою страною, какъ с в о б о д н ы м ъ н а р о -

*) Курсивы наши.

домъ — comme une nation libre —, пользующимся правами, обезпеченнымъ за нимъ его конституціею — que sa constitution lui garantit... Сохраненіе религіи и законовъ, созваніе Сейма... суть доказательства, которыя должны обезпечить за финскимъ народомъ права политическаго его существованія — qui doivent assurer à la nation finnoise les droits de son existence politique.»

Высочайшій рескриптъ отъ 14/26 сентября 1810 года на имя генералъ-губернатора, между прочимъ, гласитъ:

»Намѣреніе Мое при устройствѣ Финляндіи состояло въ томъ, чтобъ дать народу сему бытіе политическое, чтобъ онъ считался не порабощеннымъ Россіи, но привязаннымъ къ ней собственными его очевидными пользами; для сего:

I) Сохранены ему не только гражданскіе, но политическіе его законы;» и т. д.

Какъ видно подлинныхъ »историческихъ фактовъ и документовъ» можно привести именно сколько угодно. И какое значеніе послѣ всего этого имѣютъ всѣ жалкія слова и увѣренія какого-нибудь полковника »—ъ» и его двусмысленныя подмигиванія въ сторону финляндцевъ!

Весьма характернымъ пріемомъ для исключительно, такъ сказать, военной точки зрѣнія разныхъ господъ, въ родѣ »—ъ», являются выраженія, каковы »покоренный силою русскаго оружія или кровью русскихъ сыновъ край» и т. п. атрибуты и анахронизмы по адресу Финляндіи. Такого рода, болѣе или менѣе, варварскія точки зрѣнія сами по себѣ не примѣнимы къ правовымъ и культурнымъ вопросамъ, каковымъ является финляндскій по своему существу. Сверхъ сего, о »правѣ завоевателя» въ данномъ случаѣ болѣе не можетъ быть и рѣчи. Это право уже съ самаго начала было ограничено и видоизмѣнено извѣстными историческими обстоятельствами, а теперь же потеряло свое значеніе, послѣ того примѣненія, которое оно получило блаженныя памяти Императоромъ Александромъ I-мъ. Что онъ тогда удостовѣрилъ и обѣщалъ для себя и всѣхъ своихъ наслѣдниковъ престола стало непосредственно и безвозвратно обязательнымъ для Россіи, также какъ и для Финляндіи »на всегдашнія времена».

Въ слѣдующей статьѣ г. »—ъ» продолжаетъ въ томъ же духѣ излагать свои размышленія по поводу всеподданнѣйшаго отвѣта сейма. Однимъ изъ наиболѣе характерныхъ мѣстъ, заслуживающихъ чтобы остановиться на немъ, является повтореніе имъ чужихъ словъ о подтасовкѣ*), будто бы, нѣкоторыхъ мѣстъ въ воинскомъ уставѣ. Онъ говоритъ: »Какъ извѣстно, земскіе чины въ 1877—1878 гг., несмотря на ясно выраженную Императоромъ Александромъ II волю о подчиненіи финскихъ войскъ командующему войсками Финляндскаго военнаго округа, самопроизвольно измѣнили собственноручно-начертанную по сему Государемъ Императоромъ редакцію: и притомъ измѣнили ее такъ, что войска оказались подчиненными Финляндскому Генералъ-Губернатору безъ всякой связи съ тѣмъ командованіемъ надъ русскими войсками, которое препоручалось ему же по должности командующаго войсками». — »Впервые — продолжаетъ онъ — приходится встрѣчаться со взглядомъ, что порядокъ конституціоннаго законодательства можетъ быть отождествленъ съ продѣлкой, которую возможно было бы скорѣе отождествить съ шулерствомъ».

За разъясненіями этого инцидента обратимся къ отзыву чрезвычайнаго сейма въ 1899 году. На стр. 48 говорится: »... Земскіе Чины находятъ нужнымъ вкратцѣ высказаться, какъ относительно возникновенія означеннаго правила, такъ и по поводу замѣчаній, представленныхъ Вашему Императорскому Величеству Военнымъ Министромъ въ сообщенномъ сейму всеподданнейшемъ докладѣ отъ 15 января 1899 года, по поводу того, что указанное правило Устава о воинской повинности не согласуется съ редакціей, данною ему собственноручно Императоромъ Александромъ II» и т. д.

»По собственноручномъ исправленіи Государемъ Императоромъ проекта Сената, это правило въ Высочайшемъ предложеніи было изложено слѣдующимъ образомъ: »Генералъ-Губернаторъ Великаго Княжества Финляндскаго, Командующій войсками

*) Безчестное обвиненіе нынѣшняго военнаго министра — генерала Куропаткина, стяжавшаго также столь незавидныя лавры въ дѣлѣ противузаконнаго реформированія доблестныхъ финскихъ войскъ.

Финляндскаго военнаго округа, есть вмѣстѣ съ тѣмъ начальникъ финскихъ войскъ.»

»Земскіе Чины приняли проектъ въ слѣдующей измѣненной редакціи: »Генералъ-Губернаторъ Великаго Княжества Финляндскаго, Командующій вмѣстѣ съ тѣмъ расположенными въ краѣ русскими войсками, есть начальникъ финскаго войска.»

»Въ основаніе этого измѣненія, Земскіе Чины въ всеподданнѣйшемъ отзывѣ на Высочайшее предложеніе отъ 16 января 1878 года донесли между прочимъ: »Одобривъ правило въ § 127 о томъ, что начальствованіе надъ финскими войсками ввѣряется Генералъ-Губернатору, Земскіе Чины, однако, признали необходимымъ измѣнить редакцію этого пункта» .... Это чисто редакціонное измѣненіе обусловилось — какъ пояснилъ уже сеймъ 1878 г., а за нимъ и чрезвычайный сеймъ — слѣдующими соображеніями: во-первыхъ, неудобствомъ именовать Финляндію въ финляндскомъ законѣ военнымъ округомъ, а во-вторыхъ, тѣмъ что получилось бы крайне несообразное положеніе вещей, если бы установленное въ отношеніи всего россійскаго государства военно-территоріальное раздѣленіе, зависящее исключительно отъ благоусмотрѣнія Государя Императора, — хотя бы только частью — было связано съ положеніями финляндскаго устава о воинской повинности.

»Въ вышесказанномъ докладѣ Военнаго Министра говорится, что если бы, въ силу какихъ-либо особо серьезныхъ причинъ, § 127 въ редакціи Высочайшаго предложенія являлся несовмѣстимымъ съ законами края, Земскіе Чины должны были всеподданнѣйше ходатайствовать объ измѣненіи прежней редакціи, а также, что Земскіе Чины поступили »вопреки сему естественному порядку», передѣлавъ параграфъ безъ всякаго ходатайства. Противъ этого заявленія, въ которомъ обнаруживается незнакомство съ конституціоннымъ порядкомъ законодательства, можно только замѣтить, что, по основнымъ законамъ, Земскіе Чины имѣютъ и всегда имѣли право или отклонять переданные имъ законопроекты, или же принимать таковые лишь въ одобренной ими измѣненной редакціи, и что затѣмъ уже отъ Монарха зависитъ утверждать означенную редакцію или же оставлять все дѣло безъ послѣдствій.»

»Въ томъ же докладѣ, кромѣ того, сказано, что Земскіе Чины передѣлали параграфъ »кореннымъ образомъ»; между тѣмъ,

по мнѣнію Земскихъ Чиновъ, согласно приведенному выше извлеченію изъ отзыва ихъ, измѣнена была только редакція.... И бывшій Военный Министръ, Графъ Милютинъ, повидимому, находилъ, что измѣненіемъ редакціи не нарушалось главное содержаніе параграфа, по смыслу котораго начальствованіе надъ финскими и расположенными въ Финляндіи русскими войсками должно было быть соединено въ одномъ лицѣ — Генералъ-губернаторѣ. Земскіе Чины съ своей стороны не могутъ раздѣлять мнѣнія покойнаго Военнаго Министра о томъ, что для Графа Милютина, будто бы, оставалось незамѣченнымъ измѣненіе параграфа, касавшагося не только начальствованія надъ финскими войсками, но содержавшаго также опредѣленіе о власти Военнаго Министра по отношенію къ финскимъ войскамъ. Подобное предположеніе представляется тѣмъ менѣе вѣроятнымъ, что согласно имѣющимся въ дѣлѣ документамъ, Графъ Милютинъ, по доставленіи ему на заключеніе принятаго Земскими Чинами текста устава, получилъ также изъ Статсъ-Секретаріата, по просьбѣ о томъ, для сравненія съ сказаннымъ текстомъ, соотвѣтствующій текстъ Высочайшаго предложенія.» *)

»Изъ сказаннаго, казалось бы, явствуетъ, что представленныя Вашему Императорскому Величеству, въ докладѣ отъ 15 января 1899 года, обвиненія противъ Земскихъ Чиновъ Финляндіи, Сената и Статсъ-Секретаріата лишены всякаго основанія.»

Послѣ всего приведеннаго по этому вопросу всѣ возмутительныя слова г-на »—ъ» не могутъ не пасть всею своею тяжестью на его же голову. На »шулерство» способны именно такіе какъ онъ слуги царя, у которыхъ нѣтъ честныхъ принциповъ и все прошлое и настоящее положеніе которыхъ обосновано на мелкихъ, или крупныхъ преступленіяхъ, совершаемыхъ ежедневно въ угоду своимъ господамъ и въ ожиданіи полученія отъ барскихъ щедротъ болѣе или менѣе приличной подачки.

»Теперь — говоритъ г. »—ъ» въ своей послѣдней статьѣ — остается сказать лишь нѣсколько словъ о заключеніи Импера-

---

*) Курсивъ нашъ.

торскаго Финляндскаго Сената, который въ своемъ всеподданнѣйшемъ представленіи отъ 6 ноября нов. стиля 1899 года по поводу трудовъ Чрезвычайнаго Сейма, присоединился къ земскимъ чинамъ во всѣхъ частяхъ ихъ работы, поддерживая всецѣло ихъ взгляды и раздѣляя таковые даже въ томъ случаѣ, когда взгляды эти прямо противоположны мнѣніямъ самого же Сената.»

Тутъ опять-таки искаженіе фактовъ. Странно было бы на самомъ дѣлѣ ожидать, чтобы сенатъ не присоединился ко мнѣнію Земскихъ Чиновъ. А во вторыхъ, о противорѣчіи съ собственнымъ »мнѣніемъ» сената не можетъ быть и рѣчи. Проекты Высочайшихъ предложеній сейму были выработаны, какъ извѣстно, внѣ предѣловъ Финляндіи, въ главномъ штабѣ, а не самимъ сенатомъ, какъ то должно быть по самому смыслу закона. Далѣе эти проекты были составлены лицами, совершенно несвѣдущими въ законодательныхъ вопросахъ Великаго Княжества. Исполняя свой всеподданнѣйшій долгъ передъ монархомъ въ качествѣ правительствующаго Финляндскаго его совѣта, сенатъ старался облечь несообразный проектъ военнаго министра въ болѣе законную и соотвѣтственную форму; по этому поводу сенатъ и вошелъ съ всеподданнѣйшимъ представленіемъ къ монарху на базисѣ названнаго первоначальнаго проекта, что, однако, было оставлено безъ вниманія. Тутъ, стало быть, никоимъ образомъ не представляется собственное »мнѣніе» самаго сената, какъ это старается выставить г:нъ »—ъ». Когда сенату наконецъ предложено было въ собственномъ отзывѣ по поводу всеподданнѣйшаго отвѣта чразвычайнаго сейма свободно высказать свой вѣрноподданническій взглядъ по тѣмъ же вопросамъ — онъ это сдѣлалъ на основѣ законовъ, открыто и безусловно присоединяясь къ отвѣту Земскихъ Чиновъ. Это послѣднее, само собою разумѣется, и есть его свободный, безусловный и подлинный взглядъ на проектъ Высочайшихъ предложеній сейму.

Касательно убогихъ размышленій г:на »—ъ» о Высочайшемъ манифестѣ 3/15 февраля 1899 года, изданномъ въ порядкѣ неконституціонномъ и имѣвшемъ цѣлью произвести государственный переворотъ въ Финляндіи, можно всѣмъ, интересующимся этимъ вопросомъ, рекомендовать подробное ознакомленіе съ всеподданнѣйшимъ отвѣтомъ чрезвычайнаго финляндскаго

сейма 1899 года. Изъ стран. 139—152 онаго читатель обстоятельно и ясно узнаетъ, почему этотъ манифестъ не имѣетъ и никогда не можетъ имѣть святости и силы закона въ Финляндіи.

* * *

ПРИМѢЧАНІЕ. Мы, конечно, признаемъ правило нераскрытія псевдонимовъ, принятой въ литературныхъ сферахъ. Но такіе гг., какъ Зейнъ, Дебешъ, Нивс, пишущіе мерзкія пасквили по приказанію своего начальства, не могутъ считаться литераторами; поэтому мы, по отношенію къ нимъ, имѣемъ полное нравственное право не стѣсняться, тѣмъ болѣе что рѣчь тутъ идетъ о явно преступныхъ дѣяніяхъ. Итакъ подъ псевдонимомъ »—ъ» — по видимому столь »истинно русскимъ» — скрывается, судя по извѣстнымъ обстоятельствамъ, полковникъ генеральнаго штаба Францъ Альбертъ Зейнъ, сынъ учителя нѣмецкаго языка и хлопотавшій еще при графѣ Гейденъ о правѣ приставленія частицы »фонъ» къ его фамиліи. Нынѣ онъ занимаетъ совершенно противузаконно должность директора (правителя) канцеляріи Финляндскаго генералъ-губернатора; при этомъ онъ превратилъ названное финляндское правительственное учрежденіе въ какое-то тайное жандармское бюро. Не стыдясь своего незаконнаго служебнаго положенія и не стѣсняясь класть въ свой карманъ неслѣдуемое ему финляндское содержаніе, этотъ безпринципный карьеристъ, къ тому же, нагло пользуется печатнымъ словомъ для клеветы и иныхъ низкихъ цѣлей. Разбираемыя здѣсь статьи »Московскихъ Вѣдомостей» — первое попавшіяся намъ въ руки — по своему содержанію, специфическому духу, по мерзостямъ служительскаго усердія, по складу мыслей и даже по отдѣльнымъ выраженіямъ обнаруживаютъ слишкомъ ужъ поразительную гармонію съ нѣкоторыми брошюрами г:на Зейна и съ сообщеніями, прочитанными имъ въ гельсингфорсскомъ военномъ собраніи въ 1898—99 гг. Сомнѣніе насчетъ дѣйствительнаго автора оныхъ поэтому врядъ ли можетъ быть. Чрезвычайно некорректныя брошюры г:на Зейна въ свое время были съ надлежащей ясностью разбираемы м. пр. газетою »Nya Pressen» 1899 г. въ N:о 52, 53 и 57 въ рядѣ статей,

озаглавленныхъ »Предубѣжденія и софизмы», а также въ еженедѣльномъ изданіи той же газеты за N:o 18-А. Послѣдняя статья, озаглавленная »Полемическій задоръ подполковника Зейна», замѣчательна тѣмъ, что прямо обличаетъ г:на Зейна »по тремъ отдѣльнимъ пунктамъ» въ непривлекательной роли сыщика-добровольца, обнаруживая насколько недостойны его полемическіе пріемы.

»То говоритъ онъ — замѣчаетъ между прочимъ »Nya Pressen» — что нашихъ идей »нельзя не признать побужденіемъ къ сопротивленію» взглядамъ, »удостоившимся одобренія Его Величества»; то обвиняемся мы въ »возмутительномъ подстреканіи къ походу противъ принциповъ, освященныхъ съ высоты престола»; и, наконецъ, брошюра заканчивается слѣдующимъ заключеніемъ: »Такое упорное, предумышленное порицаніе реформы, которая проводится въ краѣ съ соизволенія Его Величества, нельзя назвать ничѣмъ другимъ, нежели безпримѣрно дерзкой и злонамѣренной попыткой возмущенія.» Этого, строго говоря, было бы достаточно, чтобы освободить всякаго, питающаго уваженіе къ своему призванію публициста, отъ дальнѣйшаго отвѣта этому автору. Но, можетъ быть, не слѣдуетъ упускать изъ виду тѣхъ совершенно специфическихъ условій, при которыхъ сложилось міровоззрѣніе г. Зейна, тѣхъ независимо отъ него самого строго опредѣленныхъ границъ, въ которыхъ были вынуждены, можетъ быть, съ самаго дѣтства вращаться его мысли. Поэтому можно, пожалуй, предположить, что врядъ ли нашъ противникъ даже имѣлъ и понятіе о всей позорности публичистическаго метода, котораго онъ усвоилъ, вздумавъ теперь, можетъ быть, въ силу своихъ служебныхъ обязанностей, снова взяться за перо съ другой цѣлью, нежели для веденія служебнаго журнала и составленія занумерованныхъ бумагъ....»

Однимъ словомъ, г:нъ Зейнъ своего публицистическою дѣятельностью и загорѣвшою засимъ полемикою, былъ сильно скомпрометированъ во мнѣніи всѣхъ честныхъ людей. А потому, когда лѣтомъ 1900 г. разнесся слухъ, что директоръ канцеляріи, полковникъ фонъ Минквицъ, будетъ удаленъ отъ своей должности подъ предлогомъ назначенія его и. д. губернатора Нюландской губерніи (на мѣсто генерала Де Понта, подававшаго въ отставку, вслѣдствіе ограниченія свободы собранія и

пр. незаконныхъ манифестовъ) и что полковникъ фонъ Минквицъ будетъ замѣненъ подполковникомъ Зейномъ, — то газеты видѣли въ этомъ слухѣ лишь признакъ чрезвычайно »возбужденнаго состоянія нервовъ публики», сообщая о немъ просто-напросто подъ заглавіемъ »некрасивая шутка». До того г:нъ Зейнъ въ своихъ брошюрахъ проявлялъ, по воздержаннымъ словамъ газеты »Nya Pressen» N:o 165, также и »чрезвычайно основательное незнакомство съ нашими порядками, нашими законами и обоснованныхъ на нихъ правахъ», — ужъ не говоря о полной незаконности его кандитатуры на финляндскую должность.

Что, впрочемъ, касается канцеляріи генералъ-губернатора, то туда прислали изъ Россіи множество т. н. »чиновниковъ для особыхъ порученій», въ томъ числѣ и различныхъ близкихъ къ генераламъ Бобрикову и Шипову родственниковъ. Среди этихъ господъ находятся: нѣкій Миллеръ, родственникъ Шипову и соумышленникъ ген. Кайгородова по различнымъ противузаконнымъ манихаціямъ при Нюландскомъ губернскомъ правленіи, далѣе г. Ганцгау, приходящійся братомъ зятю Бобрикова, сынъ цензора Еленева и пр. Для содержанія этихъ т. н. »чиновниковъ» при финляндскомъ правительственномъ учрежденіи, Бобриковъ, помимо установленнаго для денежныхъ ассигнацій порядка, выхлопоталъ выдачу ему ежегодной суммы въ 58,000 финскихъ марокъ — очевидно, съ противозаконною цѣлью подготовить этихъ »чиновниковъ» для »иныхъ административныхъ должностей въ Финляндіи». — Каковы эти »особыя порученія» не трудно догадаться! Кромѣ шпіонства, провокаторства и писанія корреспонденцій въ »Моск. Вѣд.» и подобныхъ органахъ, работа означенныхъ чиновниковъ заключается преимущественно въ сортировкѣ и разработкѣ тѣхъ невѣжественныхъ и лживыхъ доносовъ чиновъ жандармскаго корпуса, при помощи которыхъ Бобриковъ и Плеве въ Петербургѣ стараются окутывать и запутывать финляндскія дѣла. Стоитъ только упомянуть, что изъ 22 пунктовъ жандармскихъ доносовъ, представленныхъ, по поводу незначительныхъ нарушеніи порядка въ прошломъ году въ день промульгаціи манифеста 3/15 февраля 1899 года, 20 оказались при произведенномъ засимъ полицейскомъ дознаніи ложными и окончательно опровергнутыми. Между тѣмъ г. Зейнъ, въ качествѣ дирек-

тора канцеляріи, своимъ подписомъ засвидѣтельствовалъ правильность ихъ; между прочимъ онъ этимъ показалъ, будто означенныя нарушенія произошли »по распоряженію» почтеннаго профессора и бывшаго сенатора Л. Мехелина, что, разумѣется, лишено всякаго основанія. Приведемъ здѣсь протестъ, опубликованный вслѣдствіе безсовѣстныхъ обвиненій »Моск. Вѣдомостей» по сему предмету, 21-мъ болѣе видныхъ финляндскихъ дѣятелей обѣихъ партій. Этотъ протестъ былъ напечатанъ въ финляндскихъ газетахъ, откуда онъ попалъ и въ нѣкоторыя русскія. Содержаніе его слѣдующее:

»Въ N:о 42 Московскихъ Вѣдомостей напечатана статья, въ которой газета м. пр. утверждаетъ, что въ Финляндіи организовано тайное сепаратистическое правительство, во главѣ котораго стоитъ г. Л. Мехелинъ, и что именно этою тайною организаціей устроены демонстраціи, имѣвшія мѣсто въ Гельсингфорсѣ 18 февраля.

»Каждый человѣкъ въ Финляндіи отлично знаетъ, что такое утвержденіе — отъ начала и до конца ложно, что въ странѣ не существуетъ никакого тайнаго сепаратистическаго правительства, и что уличные безпорядки 18 февраля, которые, впрочемъ, далеко не имѣли въ дѣйствительности приписанныхъ имъ по слухамъ размѣровъ, устроены лицами, ничего не имѣющими общаго съ политическимъ дѣломъ. Но такъ какъ выраженное открыто обвиненіе, сколь бы нелѣпо оно ни было, можетъ, однакоже, заслужить довѣріе внѣ границъ страны и вызвать невѣрныя представленія въ лицахъ, незнакомыхъ съ укладомъ финляндской жизни, то нижеподписавшіеся пожелали изъявить свой рѣшительный протестъ противъ этихъ низкихъ и и лживыхъ обвиненій, направленныхъ какъ на весь финскій народъ въ его совокупности, такъ и въ особенности на человѣка, продолжительная и безпорочная дѣятельность котораго должна защитить его отъ таковыхъ коварныхъ нападокъ.»

Легенда о т. н. »Тайномъ патріотическомъ союзѣ» пущена въ ходъ собственно »Финляндской Газетой». Въ N:о 20 этой газеты сообщается, что въ означенный день, 18-го февраля, »сенаторами были получены письма за подписью »Тайнаго патріотическаго Союза». Извѣстно, что сенаторъ Энебергъ дѣйстви-

тельно получилъ такой билетъ. Всѣ розысканія, какъ оффиціальныя, такъ и частныя, о происхожденіи этого мистическаго билета остались, однако, безуспѣшными. Составлена она, если не просто какимъ-нибудь шутникомъ, то, весьма возможно, въ самой редакціи »Финл. Газеты», или, что еще вѣроятнѣе — лицами гельсингфорсскаго жандармскаго управленія.

II.

Г:НЪ ВЛ. ГОЛЬМСТРЕМЪ ПЕРЕДЪ »СУДОМЪ ЧЕСТИ ПРИ СОЮЗѢ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

28 и 31-го января 1900 года на столбцахъ »С. Петербургскихъ Вѣдомостей» *), къ немалому изумленію просвѣщенной публики, появились крайне непріязненныя противъ Финляндіи статьи, озаглавленныя »Пути культурнаго сближенія». Авторомъ этихъ статей является нѣкій Владиміръ Гольмстремъ, приходящійся племянникомъ незаконнаго министра статсъ-секретаря Великаго Княжества Финляндскаго, г:на Плеве, и дѣйствовавшаго, очевидно, по указаніямъ этого сановника, долженствующаго, по своему служебному положенію, охранять дѣла и права Финляндіи.

Собственно говоря, означенныя статьи не заслуживали бы подробнаго разбора, тѣмъ болѣе, что были уже оцѣнены по достоинству финляндскою печатью, какъ шведской **), такъ и финской. Для этого онѣ написаны слишкомъ туманно и незрѣло; къ тому же онѣ изобилуютъ внутренними противорѣчіями и

---

*) Временнымъ главнымъ редакторомъ »С. Петербургскихъ Вѣдомостей» въ то время состоялъ г:нъ Н. И. Селивановъ.

**) Такъ, напримѣръ, газетою »Nya Pressen» въ N:o 45 1900 г.

наконецъ — что самое главное — извращаютъ неоспоримые факты какъ по отношенію къ культурнымъ стремленіямъ финскаго народа, такъ и касательно финляндской автономіи. Упомянутый статьи дѣйствуетъ тѣмъ болѣе отвратительно, что написаны подъ видомъ, яко бы, дружбы къ финскому народу, о положительныхъ качествахъ котораго г. Г. распространяется въ напыщенныхъ фразахъ. Въ частности же онѣ возводятъ на т. н. »свекоманскую» партію, — говоря двугими словами, на элементъ населенія Финляндіи, имѣющій шведскій языкъ своимъ роднымъ языкомъ, — самыя неосновательныя обвиненія, стараясь притомъ установить какое-то мнимое различіе между шведской и финской культурой Финляндіи; между прочимъ г. Г. утверждаетъ, будто сущность шведской культуры — »господство сильнаго и имущаго надъ слабымъ и неимущимъ». Кстати замѣтимъ, что Финляндія и Швеція, равно какъ и Швецарія, какъ разъ суть единственныя страны въ Европѣ, гдѣ крѣпостное право и феодальная система никогда не укоренились; крестьянское сословіе въ этихъ странахъ всегда сохраняло свою самостоятельность, а, вмѣстѣ съ нею, и свои высшія политическія права. Помимо сего, автору названныхъ статей не можетъ же быть неизвѣстнымъ, что Финляндія своимъ относительнымъ процвѣтаніемъ существеннымъ образомъ обязана именно энергіи, интеллигенціи, демократическому духу и попеченіямъ о благѣ народномъ окле-ветаемаго имъ элемента населенія. Что жа касается болѣе зажиточныхъ классовъ вообще, то извѣстный датскій профессоръ по соціологіи и политической экономіи, Н. Фредериксенъ, въ своемъ трудѣ »Финляндія, ея частная и государственная экономія» отзывается о нихъ на стр. 206 м. пр. слѣдующимъ образомъ: ».... навряд ли есть другая страна, за исключеніемъ однако Англіи и Сѣверной Америки, гдѣ бы богатства употреблялись съ большею пользою для общества. Почти всѣ богачи Финляндіи пользуются своими средствами на поприщѣ экономическаго развитія края, имѣя въ виду, не меньше всего, общественную пользу — почти въ томъ же родѣ какъ въ Англіи и въ Америкѣ». Этотъ отзывъ въ своей мѣрѣ, разумѣется, относится также и къ лицамъ т. н. »свекоманской» партіи. — Тщетна будетъ наконецъ всякая попытка установить сущность культуры финскаго народа и сумму работы для ея развитія, если при этомъ стараются выставить шведскую культуру какъ противополож-

ность финской. Культура въ Финляндіи, выступая либо въ шведской, либо въ финской формѣ, по своему существу и своимъ явленіямъ совершенно тождественна и лишь одна: она нисходитъ до одного и того же источника — до шведской народной свободы и правовыхъ воззрѣній западной Европы. Шведско-финская культура развилась и выросла подъ сѣнью этихъ принциповъ, подъ покровительствомъ правового строя, охраняющаго личную свободу и допускающаго широкое общинное и политическое самоуправленіе, а также подъ вліяніемъ западно-европейскихъ религіозныхъ воззрѣній, — на почвѣ свободы совѣсти и полной вѣротерпимости .... Поэтому всякій расчетъ, построенный на существованіи, яко бы, разъединенія въ означенныхъ отношеніяхъ, лишенъ фактической подкладки и всякаго смысла.

Если обратиться теперь къ современной Россіи, то она, вѣдь, живетъ подъ знаменіемъ самодержавія и православія .... Что означало бы, въ смыслѣ одной культуры (не говоря ужъ о другихъ точкахъ зрѣнія), при такихъ обстоятельствахъ, »общегосударственное» т. н. »сближеніе» для Финляндіи, мы предоставляемъ читателю самому судить .... Замѣтимъ здѣсь только, что уже въ отношеніи признанія высокаго значенія принципа законности, безусловной силы и неприкосновенности закона, Финляндія представляетъ собою безсомнѣнно высшую культурную форму, нежели Россія съ ея административнымъ произволомъ въ области законовъ.

Александръ I, дальновидный благодѣтель Финляндіи, съумѣлъ и вполнѣ оцѣнить политическія блага, унаслѣдованныя финскимъ народомъ отъ Швеціи; онъ понялъ, что принципъ конституціонно-монархическій, лежавшій съ давнихъ временъ въ основѣ политической и гражданской свободы финскаго народа, укоренился въ его правовомъ сознаніи, вошелъ, такъ сказать, въ плоть и кровь самаго народа. Утверждая поэтому на »всегдашнія времена», для себя и наслѣдниковъ своихъ прежнюю конституцію и основные законы страны, отъ этимъ самымъ пресѣкъ всякую возможность самодержавію подкапываться подъ Финляндіей и водворяться на финляндской территоріи. Онъ понялъ также, что финскій народъ, для выполненія своей культурной задачи, долженъ идти по своему собственному пути, намѣченному его индивидуальностью и предшествовавшимъ развитіемъ, и что было

бы посягательствомъ на замыслы Всевышняго, если бы силою пытались втиснуть духовную жизнь этого народа въ чужія формы. Эта мысль выражается также и въ тѣхъ словахъ, съ которыми онъ при закрытіи сейма 18-го іюля 1809 г. обратился къ представителямъ Финляндіи:

»Этотъ честный и лояльный народъ благословитъ Провидѣніе, приведшее къ настоящему порядку вещей. Занимая отнынѣ мѣсто въ чредѣ народовъ, подъ властію своихъ законовъ, онъ вспомнитъ о прежнемъ господствѣ лишь для того, чтобы развивать отношенія дружбы, когда миръ ухъ возстановитъ.

»Я же соберу лучшіе плоды Моихъ попеченій, когда увижу этотъ народъ спокойнымъ извнѣ, свободнымъ внутри, предающимся подъ покровительствомъ законовъ и добрыхъ нравовъ земледѣлію и промышленности, и самымъ своимъ преуспѣяніемъ воздающимъ справедливость Моимъ намѣреніямъ и благословляющимъ свою судьбу.«

Съ полнымъ сознаніемъ своихъ культурныхъ задачъ, а равно и своего политическаго положенія, финскій народъ, со своей стороны, желаетъ остаться лишь тѣмъ, чѣмъ онъ былъ и на что онъ имѣетъ священнѣйшее право, не задѣвая въ своемъ мирномъ трудѣ права другого и не забывая при этомъ своихъ обязанностей по отношенію къ цѣлому. Но своего права быть самимъ себя онъ никакими дѣйствіями не подрывалъ, а потому и съумѣетъ съ еще бо́льшимъ нравственнымъ авторитетомъ поддерживать это право и впредь, какъ во время успѣха, такъ и невзгоды.

Далѣе г-нъ Гольмстремъ, въ другой статьѣ »О финляндской эмиграціи« (5:го февр.), — частью вслѣдствіе непониманія разбираемаго имъ статистическаго матеріала, частью же путемъ умышленнаго подтасовыванія цифръ, — старается стушевывать самую главную причину чрезвычайно усиливающейся при »новомъ режимѣ« эмиграціи изъ Финляндіи, т. е. причину политическую, или опасеніе народа за противузаконное введеніе, путемъ насилія, русской воинской повинности въ Великомъ Княжествѣ.*) Эта статья тоже въ свое время была подо-

*) Эмиграціонная статистика въ этомъ отношеніи чрезвычайно краснорѣчива. Слѣдующая таблица показываетъ эмиграцію за послѣднее десятилѣтіе, обнаруживая притомъ самымъ

бающимъ образомъ освѣщена въ финляндской печати, м. пр. газетою »Nya Pressen» въ N:о N:о 60, 63 и 65 съ указаніемъ завѣдо ложной цитаты изъ той же газеты, совершенно невѣрнаго обращенія съ цифрами и пр.

недвусмысленнымъ образомъ истинныя причины ея чрезмѣрнаго роста въ періодъ времени 1899—1902:

Годы.	Число эмигрантовъ.	Годы.	Число эмигрантовъ.
$^{17}/_{10}91$—$^{31}/_{12}92$	3,191	1899	12,357
1893	5,231	1900	10,642
1894	1,075	1901	12,659
1895	2,981		Итого: 35,658
1896	4,942		
1897	2,557		
1898	3,667		
	Итого: 23,644		

Въ среднемъ въ годъ: 3,378.

Къ этому слѣдуетъ прибавить:

за январь—мартъ 1902 г.:	5,057	чел.
за апрѣль „ около	2,850	„
за 1—9 май „	1,440	„

Эти цифры отличаются высокой степенью достовѣрности и грѣшатъ лишь тѣмъ, что онѣ, можетъ быть, на нѣсколько процентовъ ниже истинныхъ. Итакъ цифра эмигрантовъ поднялась съ 3,667 въ 1898 г. до 12,357 въ 1899 г. и въ особенности — на что слѣдуетъ обратить вниманіе — въ теченіе мѣсяцевъ, непосредственно слѣдовавшихъ за изданіемъ пресловутаго манифеста 3/15 февраля 1899 г. Опираясь на опытъ 1899 и 1900 гг., уже заранѣе можно было предсказать, что изданіе беззаконныхъ постановленій о воинской повинности 1901 г. и всѣ принятыя вслѣдъ затѣмъ мѣры для приведенія въ исполненія этихъ постановленій будутъ не только поддерживать высокія цифры эмиграція за послѣдніе годы, но даже увеличивать ихъ. И, дѣйствительно, эмиграція въ 1901 г., какъ видно, превосходитъ максимальную до сихъ поръ цифру 1899 г. За первую треть текущаго года уже 7,907 человѣкъ покинуло страну, и къ этому слѣдуетъ еще прибавить 1,440 человѣкъ, эмигрировавшихъ за 1—9 мая. Оффиціальныя цифры, для которыхъ еще не имѣется первоначальныхъ данныхъ о нѣкоторыхъ частяхъ Нюландской и всей Обоской губерніи, но которыя

Такъ, напримѣръ, г. Г. показываетъ число »безземельныхъ» въ Финляндіи въ 65 % всего населенія, причисляя къ безземельнымъ: не только сельскихъ рабочихъ*) 37 %, но и арендаторовъ 9 % и торпарей 19 %; всѣ эти категоріи, вѣдь, »безземельны», а сумма ихъ процентныхъ чиселъ составляетъ 65. Такъ разсуждаетъ г. Г., не понимая, очевидно, что для пользованія статистическимъ матеріаломъ требуется нѣсколько болѣе, нежели одна грамотность. Во-первыхъ, слѣдуетъ замѣтить, что эти числа относятся не ко всему населенію, а лишь къ части его, занимающейся земледѣльческимъ трудомъ. Выражая же названныя категоріи въ отношеніи ко всему населенію, соотвѣтствующія цифры сразу измѣнятся въ $28 + 7 + 15 = 50$. Но и даже сумма, исправленная такимъ образомъ въ 50, совершенно неправильна и въ другомъ отношеніи: положеніе арендаторовъ вообще довольно хорошее; всѣ арендаторы казенныхъ усадебъ (»Kronoboställen») пользуются также, наряду съ земельными собственниками, выборнымъ правомъ въ сеймъ и т. д.; точно также значительная часть торпарей поставлена сравнительно хорошо, — въ матеріальномъ отношеніи часто даже лучше мелкихъ самостоятельныхъ землевладѣльцевъ. (О положеніи торпарей см., впрочемъ, слово »Торпарь» въ »Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефр на»). — Утвержденіемъ же нынѣ выработаннаго сеймомъ въ 1900 г. закона »о наемѣ земли» и правовое положеніе торпарей, составлявшее сущность всего вопроса, является также вполнѣ обезпеченнымъ. Общее число лицъ, несвязанныхъ какимъ-либо постояннымъ трудомъ (въ томъ числѣ и фабричныхъ со своими семьями), доходитъ во всей Финляндіи лишь до какихъ-нибудь 32—34 % всего населенія. Но даже и въ отношеніи этихъ 32—34 % должно обращаться съ крайнею осторожностью. Профессіональная статистика Финляндіи, равно какъ и земледѣльческая, переработка которой подготовляется на основаніи проекта сейма 1897 года, еще не установились съ полной ясностью въ отношеніи самой системы

показываютъ распредѣленіе эмиграціи по губерніямъ, свидѣтельствуютъ также о томъ, что эмиграція начинаетъ распространяться и по такимъ частямъ страны, которыхъ она до сихъ поръ почти еще не коснулась, какъ по губерніямъ Тавастгуской, Выборгской, С:тъ Михельской и Куопіоской.

*) Въ числѣ этихъ рабочихъ входитъ, разумѣется, также сельскіе фабричные.

категорій. Наконецъ надо помнить, что неимѣніе земли еще не составляетъ несчастья и что иному »безземельному», какъ напримѣръ фабричному, живется часто куда лучше, нежели мелкому крестьянину-собственнику.

Упомянемъ тутъ же, что и въ »Сѣверномъ Курьерѣ» за N:о 119 1900 г. появилось по поводу статей г:на Гольмстрема »Письмо въ редакцію» за подписью К. Б. Г-генъ, изъ котораго письма мы заимствуемъ нижеслѣдующее извлеченіе:

»... Г:нъ Александръ Гермоніусъ*), съ свойственнымъ ему безпристрастіемъ, весьма послѣдовательно отмѣчаетъ всѣ несообразности въ статьѣ г. В. Гольмстрема, болѣзненная фантазія котораго нарисовала мрачную картину положенія безземельнаго населенія въ Финляндіи. Всякіе благородные порывы, хотя бы и принимавшіе иногда смѣшной оборотъ, — не заслуживаютъ однако строгаго порицанія, если они исходятъ отъ чистаго сердца и не имѣютъ въ себѣ ничего противнаго духу человѣколюбія. Но когда разные господа въ порывѣ сомнительнаго патріотизма, начинаютъ проповѣдывать человѣконенавистничество, то общество ни въ какомъ случаѣ не должно относиться равнодушно къ подобнымъ явленіямъ. Хотя г. В. Гольмстремъ не успѣлъ еще духовно сочетаться съ вожаками финнофобовъ — Абовымъ, Мессарошемъ, Еленевымъ и К:о, но тѣмъ не менѣе, съ нѣкоторыхъ поръ, онъ начинаетъ подавать большія надежды къ усвоенію всѣхъ нелегальныхъ пріемовъ въ дѣлѣ проведенія въ жизнь извѣстныхъ взглядовъ по финляндскому вопросу. Полная неразборчивость въ средствахъ и умышленное подтасовываніе фактовъ, сказавшіяся въ его послѣднихъ статьяхъ, заставляютъ читателя относиться съ полнымъ предубѣжденіемъ, ко всѣмъ статьямъ, вышедшимъ изъ подъ его пера. Г. В. Гольмстремъ совершенно не знаетъ Финляндію, не знакомъ съ бытомъ финскаго народа, его экономическимъ положеніемъ и міровоззрѣніемъ. Между тѣмъ, при полномъ отсутствіи знанія всѣхъ условій жизни финскаго народа — онъ смѣло бросаетъ отвратительное обвиненіе въ лицо всего шведскаго населенія и силится убѣдить читателя, что послѣднее вмѣсто хлѣба давало финскому народу камень и старается внушить ему мысль отчужденія отъ

*) »Спб. Вѣд.» N:о 45.

коренной Россіи. Оставляя совершенно въ сторонѣ всѣ несообразности, которыми наполнена его статья, нельзя не пожалѣть, что г. Гольмстремъ находитъ, съ нѣкоторыхъ поръ, болѣе удобнымъ для себя обратиться въ обвинителя и согласовать по мѣрѣ надобности, свой голосъ съ голосами изступленныхъ финнофобовъ....»

По поводу этого письма г. Гольмстремъ не постѣснился обратиться, къ »суду чести при союзѣ русскихъ писателей» съ своеобразной, ниже изложенной, жалобою на издателя »Сѣвернаго Курьера», князя В. В. Барятинскаго. — Судъ въ засѣданіяхъ 24/7 и 27/10 апрѣля/мая разобралъ это дѣло. Составъ суда былъ слѣдующій: К. К. Арсеньевъ (избранный предсѣдателемъ по настоящему дѣлу), В. В. Короленко, В. Д. Манассеинъ, Л. Ѳ. Пантелѣевъ и Г. Н. Потанинъ. (В. Д. Спасовичъ отведенъ княземъ В. В. Барятинскимъ; М. М. Стасюлевичъ не могъ присутствовать въ засѣданіи вслѣдствіе неотложныхъ занятій по городской училищной коммиссіи; П. В. Мушкетовъ и А. С. Фаминцынъ уѣхали изъ Петербурга).

Гнъ Гольмстремъ въ жалобѣ своей проситъ судъ разрѣшить вопросъ »имѣли ли нравственное и формальное право редакторъ »Сѣвернаго Курьера» князь В. Барятинскій помѣстить »письмо въ редакцію» за подписью К. Б. Г—генъ въ №о 119 означенной газеты.»

Обращаясь къ суду чести съ просьбой »рѣшить основательны ли обвиненія, такъ сказать съ матеріальной стороны по существу», г. Гольмстремъ полагаетъ, что »съ формальной точки зрѣнія» князь В. В. Барятинскій не можетъ быть (по его мнѣнію) оправданъ въ »попыткѣ замолчать поводы обвиненій, это значитъ посягать на свободу мнѣній читателей, прививать имъ односторонность воззрѣній.»

Князь Барятинскій, въ свою очередь, проситъ разрѣшить слѣдующіе два вопроса:

1) имѣетъ ли г. Гольмстремъ право обвинять его въ »писательской недобропорядочности» и »въ пріемахъ русской прессы сомнительнаго достоинства» *), и

*) Письмо Гольмстрема, напечатанное въ »Спб. Вѣд.», №о 64.

2) если не имѣетъ, то какое нравственное удовлетвореніе можетъ дать ему г. Гольмстремъ.

Въ виду просьбы князя Барятинскаго о спросѣ въ качествѣ свидѣтелей Карла Бернардовича Гренгагена (автора вышеупомянутой замѣтки) и г. Тавастшерны, судъ чести признаетъ необходимымъ предварительно установить, о чемъ именно въ настоящемъ случаѣ могутъ быть спрошены свидѣтели. Принимая во вниманіе, что суду чести не подлежитъ оцѣнка мнѣній, высказываемыхъ въ печати, а слѣдовательно и рѣшеніе вопроса о томъ, которая изъ спорящихъ сторонъ права по существу, судъ постановилъ допустить показанія свидѣтелей лишь настолько, насколько они могутъ выяснить взведенное на г. Гольмстрема обвиненіе въ »неразборчивомъ выборѣ средствъ и умышленномъ подтасовываніи фактовъ».

Объ этомъ было объявлено какъ сторонамъ, такъ и свидѣтелямъ К. Б. Гренгагену (отъ спроса г. Тавастшерны кн. Барятинскій отказался), показанія котораго и были удерживаемы судомъ въ заранѣе намѣченныхъ предѣлахъ.

Въ обстоятельно мотивированномъ своемъ отзывѣ*) судъ чести далъ слѣдующее общее заключеніе:

---

*) Изъ этого отзыва приведемъ слѣдующее характерное для г. Гольмстрема мѣсто:

»Вполнѣ основательнымъ судъ признаетъ указаніе г. Гренгагена на противорѣчіе, въ которое г. Гольмстремъ впадаетъ съ самимъ собою. Въ N:о 27 »С. П. Б. Вѣдомостей» имъ было сказано слѣдующее: »отчисленіе двухъ милліоновъ марокъ въ фондъ для безземельныхъ (для выдачи ссудъ на пріобрѣтеніе земельныхъ участковъ) было первымъ шагомъ по пути, на которомъ предстоитъ еще не мало работы». Когда финляндскія газеты, возражая г. Гольмстрему, привели высказанныя на сеймахъ въ 1885 и 1891 г. мнѣнія о необходимости улучшить положеніе торпарей, — г. Гольмстремъ, въ N:о 47 »С. П. Б. Вѣдомостей» отвѣтилъ такъ: »я говорилъ, что рѣшительный шагъ въ вопросѣ объ улучшеніи положенія безземельныхъ сдѣланъ былъ благодаря русскому правительству, а не первый шагъ, какъ цитируютъ мои слова финляндцы». Весьма возможно, что явно неправильная ссылка на собственныя слова — ссылка, для опроверженія которой достаточно сравнить два N:о N:о одной и той же газеты, отдѣленные другъ отъ друга трехнедѣльнымъ промежут-

»Основываясь на всемъ вышесказанномъ, судъ чести находитъ, что въ замѣткѣ г. Гренгагена, напечатанной въ »Сѣверномъ Курьерѣ», не содержится никакихъ завѣдомо ложныхъ или непозволительно легкомысленныхъ обвиненій противъ г. Гольмстрема и, слѣдовательно, напечатаніе этой замѣтки не можетъ быть поставлено въ вину князю Баратинскому какъ редактору издателю »Сѣвернаго Курьера».

»Ничего неправильнаго въ образѣ дѣйствій кн. Баратинскаго судъ не усматриваетъ и съ той точки зрѣнія, которую г. Гольмстремъ называетъ формальною. Когда въ печати выставляется противъ кого-либо обвиненіе, — обвинитель долженъ,

---

комъ — является только крайней неосторожностью г. Гольмстрема, положившагося на свою память и не справившагося, когда этого требовалъ ходъ полемики, съ подлиннымъ текстомъ своей прежней статьи: но его противникъ въ пылу принципіальнаго спора, имѣлъ поводъ усмотрѣть въ этомъ недобросовѣстное отношеніе къ истинѣ, или »умышленное подтасовываніе фактовъ». Другимъ поводомъ къ такому заключенію могло послужить сказанное г. Гольмстремомъ о Вазаской губерніи. Въ №о 27 »С. П. Б. Вѣдомостей» г. Гольмстремъ писалъ: »Вазаская губернія, по количеству лицъ, пользующихся общественнымъ призрѣніемъ, занимаетъ второе мѣсто (2,66 %, а для всей Финляндіи 2,90 %)». Въ №о 45 той же газеты г. Гермоніусъ указалъ г. Гольмстрему, что Вазаская губернія дѣйствительно занимаетъ второе мѣсто, но только съ другого конца; въ Финляндіи есть лишь одна губернія (Выборгская), гдѣ число лицъ, пользующихъ общественнымъ призрѣніемъ, меньше, чѣмъ въ Вазаской губерніи. Въ №о 47 г. Гольмстремъ, не отрицая справедливости возраженія г. Гермоніуса, говоритъ слѣдующее: »какъ близко отстоитъ конецъ отъ начала, показываетъ приведенный мною общій процентъ (2,90 %) для всей Финляндіи, а еще болѣе ясно таблица цифръ (процентъ призрѣваемыхъ: въ Нюландской губ. — 2,74 %, Або-Бьернеборгской. — 2,70 %, Тавастгусской — 2,72 %, Выборгской — 1,74 %, С:тъ Михельской — 3,15 %, Куопіоской — 3,62 %, Вазаской — 2,66 %, Улеоборгской — 4,66 %), изъ которыхъ видно, что только три губерніи (притомъ восточныя) стоятъ по числу призрѣваемыхъ немного выше Вазаской». Первоначальная ошибка была допущена г. Гольмстремомъ, повидимому, вслѣдствіе торопливости: онъ принялъ среднюю цифру призрѣваемыхъ (2,90 %) за высшую, но вмѣсто того, чтобы просто признаться въ этомъ, онъ допустилъ въ отвѣтѣ г. Гермоніусу новыя неточности. О трехъ губерніяхъ (С. Михельской, Куопіоской и Улео-

конечно, мотивировать его опредѣленно и точно, но для него не обязательно приводить подробныя выписки изъ статьи, служащей поводомъ къ обвиненію. Въ замѣткѣ г. Гренгагена указано о какихъ статьяхъ г. Гольмстрема идетъ рѣчь, указаны и тѣ положенія ихъ, которыя возмутили автора замѣтки; идти еще дальше и воспроизводить, хотя бы только въ главныхъ чертахъ, аргументацію г. Гольмстрема, — г. Гренгагенъ не былъ обязанъ. Подобная обязанность возникла бы для него — и для редактора газеты, помѣстившей его замѣтку, — въ такомъ лишь случаѣ, если бы г. Гольмстремъ, отвѣчая г. Гренгагену, прямо потребовалъ отъ него изложенія тѣхъ или другихъ доказательствъ, приведенныхъ г. Гольмстремомъ въ подтвержденіе того или другого мнѣнія. Такого требованія г. Гольмстремомъ предъявлено не было, и затѣмъ, объ обвиненіи кн. Барятинскаго въ замалчиваніи доводовъ г. Гольмстрема не можетъ быть и рѣчи..... (далѣе въ доказательство крайней невоздержанности г. Гольмстрема, приводятся судомъ выдержки изъ его поименованнаго раньше письма въ »Спб. Вѣд.» № 64, въ которомъ онъ самымъ наглымъ образомъ инсинуируетъ противъ »Сѣвернаго Курьера»).

Въ заключеніе всего судъ чести при союзѣ русскихъ писателей постановилъ:

»Руководствуясь вышеизложенными соображеніями, судъ чести единогласно признаетъ, что жалоба г. Гольмстрема на кн. Барятинскаго не заслуживаетъ уваженія.»

»Этимъ разрѣшаются и оба вопроса, поставленные въ отвѣтѣ князя Барятинскаго, такъ какъ нравственное удовлетвореніе для лица, на которое принесена неосновительная жалоба, является оправдательное рѣшеніе суда чести».*)

боргской), какъ видно изъ вышеприведенныхъ цифръ, отнюдь нельзя сказать, что число призрѣваемыхъ тамъ немногимъ выше, чѣмъ въ Вазаской губерніи; это выраженіе примѣнимо только къ остальнымъ тремъ губерніямъ (Або-Бьернеборгской, Тавастгусской и Нюландской). Совершенно неправильно, въ добавокъ, Улеоборгская губернія отнесена къ числу восточныхъ» и. т. д.

*) Къ напечатанію приводимаго постановленія въ русскихъ газетахъ послѣдовало соотвѣтствующее разрѣшеніе.

Послѣ этого инцидента г. Гольмстрему отказали въ сотрудничествѣ въ »Спб. Вѣдомостяхъ» по финляндскому отдѣлу; теперь же онъ усердно занимается — пользуясь главнымъ образомъ матеріаломъ »Финл. Газеты» — составленіемъ анонимныхъ брошюръ о Финляндіи, какъ-то »Финляндія, Обзоръ періодической печати», »Темныя и свѣтлыя иллюминаціи г. Гельсингфорса» и пр., написанныя со спеціальной цѣлью повліять на монарха и высшую бюрократію, — очевидно, опять-таки, съ благословѣнія и при содѣйствіи своего протектора и родственника г:на В. К. Плеве.

III.

ЕЩЕ ОДИНЪ »ЗНАТОКЪ» ФИНЛЯНДІИ. (Г-НЪ С. КОРОЛЕНКО).

Въ концѣ марта 1900 г. на столбцахъ »Новаго Времени» г. С. А. Короленко*) помѣстилъ цѣлый рядъ статей, озаглавленныхъ »Торговля и денежныя дѣла въ Финляндіи.» Написанныя съ явнымъ намѣреніемъ, во что бы то ни стало, вредить Финляндіи, эти статьи, съ крайнею недобросовѣстностью, изображаютъ положеніе страны въ вышеозначенныхъ отношеніяхъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, выставляя ее стоящей, не чуть ли, на краю экономической гибели. Появленіе первой изъ этихъ статей побудило газету »Nya Pressen» отъ 5-го апрѣ-

---

*) Кстати упомянемъ, что г. С. Короленко еще въ 1893 году былъ наказанъ, по приговору суда, за гласную ложь, или клевету въ печати. На страницахъ двухъ газетъ, »Недѣли» и »Гражданина» въ 1889 году произошелъ именно споръ между двумя представителями русскаго дворянства — гг. Н. Гладкимъ и С. А. Короленко, по вопросу отчасти принципіальнаго характера. Н. Л. Гладкій напечаталъ въ №о 33 »Недѣли» за 1889 годъ »Письмо въ рекакцію», въ которомъ выражалъ сомнѣніе въ вѣрности извѣстія »Новаго Времени», будто дворяне просятъ о прощеніи имъ недоимки въ 3,000,000 рублей по залогу имѣній ихъ въ дворянскомъ банкѣ. Онъ находилъ, что просьба эта была бы ниже достоинства дворянства, а исполненіе ея не принесло бы ожидаемой пользы, и

ля N:o 92 указать автору на тѣ погрѣшности, которыми такъ богатъ его своеобразный трудъ. Мы здѣсь въ нѣсколько сокращенномъ видѣ передаемъ статью названной гельсингфорской газеты:

Новый русскій газетный походъ
противъ Финляндіи.

.... Наши антагонисты въ русской печати не чуть ли имѣютъ намѣреніе подорвать кредитъ Финляндіи за границей и согласовать, такимъ образомъ, одновременно два нападенія: — одно на политической почвѣ и другое — на финансовой, но только съ тыла. Какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ случаяхъ замѣ-

---

развивалъ эту мысль, не касаясь никого лично. Въ отвѣтѣ на эту статью г. С. Короленко помѣстилъ въ газетѣ »Гражданинъ» двѣ статьи совершенно клеветническаго характера, наполненныя уже вовсе не дворянскими инсинуаціями. Такъ, онъ, ни съ того ни съ сего, обвинялъ г. Гладкаго, будто тотъ ростовщикъ и еще того хуже; ни однихъ торговъ не пропускаетъ, покупая имѣнія за безцѣнокъ и пуская владѣльцевъ ихъ по міру;... всѣ сосѣди знаютъ, что профессія г. Гладкаго — ѣздить по земельнымъ банкамъ и набѣгать въ качествѣ покупателя во дни торговъ, вынюхивая имѣнія, которыя можно дешево купить, хотя бы даже при помощи уплаты отступного торгующимся, чтобы цѣну не набивали. Гладкій-де покупаетъ имѣнія чрезъ подставныхъ лицъ, занимаетъ въ дворянскомъ банкѣ изъ 5 % годовыхъ и раздаетъ эти деньги за %, далеко превышающіе банковскіе, подъ вторыя закладныя на имѣнія и векселя.... За все это, а также за обвиненіе въ пользованіи печатнымъ словомъ съ низкою цѣлью безчестной наживы г. Гладкій и привлекъ г. С. Короленко къ суду, обвиняя его въ клеветѣ. Всѣ нареканія г. С. Короленки оказались одинаково ложными; г. Гладкій разъяснилъ, что денегъ въ ростъ въ жизни своей никому не давалъ никогда; съ торговъ ни въ одномъ земельномъ банкѣ и ни одного имѣнія никогда не купилъ... единственною цѣлью его статьи въ »Недѣлѣ» было — разъяснить спорный вопросъ и, каждое слово въ ней — заявилъ онъ — было и есть неоспоримая истина, оправдавшаяся на дѣлѣ. Обливъ г. Гладкаго невозможною клеветой, г. С. Короленко помѣстилъ и вторую такую же статью въ »Гражданинѣ», въ которой упорно настаивалъ на своихъ завѣдомо для него ложныхъ обвиненіяхъ. На судѣ г. Гладкій заявилъ, что онъ — потомственный дворянинъ, носитель сословной и природной чести, никогда и ничѣмъ не запятнанной, кандидатъ правъ, съ университетской скамьи до настоящаго времени непрерывно служа-

чается, однако, крайняя скудость тѣхъ силъ, которыми они располагаютъ.... С. Короленко оказался — если лишь возможно — еще менѣе способнымъ исполнить данное ему порученіе, чѣмъ В. Гольмстремъ въ »Спб. Вѣдомостяхъ». Насколько мы освѣдомлены — одновременное выступленіе въ печати этихъ двухъ господъ имѣетъ болѣе близкое соотношеніе, чѣмъ оно могло казаться тѣмъ, кто не имѣлъ случая заглянуть за кулисы. Тотъ отзывъ, который былъ данъ о С. Короленкѣ — будто »онъ можетъ играть цифрами такъ ловко, что изъ чернаго получится бѣлое» *) — вполнѣ добросовѣстно оправданъ послѣднимъ въ его же собственной статьѣ, хотя и съ весьма плохимъ успѣхомъ. Болѣе образованнаго читателя онъ можетъ убѣдить только въ своемъ незнаніи. Онъ, очевидно, полагается на то, что въ Россіи довольно поверхностно знаютъ Финляндію. На чемъ же, однако, основывается г. С. Короленко въ своихъ разсужденіяхъ объ экономическомъ положеніи Финляндіи? Первымъ и главнымъ доказательствомъ въ его глазахъ является то, что цѣнность импорта въ Финляндіи постоянно превышаетъ цѣнность экспорта, вслѣд-

---

щій по выборамъ дворянскимъ, крестьянскимъ и земскимъ, не подвергавшійся и тѣни нетолько какого-либо обвиненія, но даже и злословія, и т. д. Такъ какъ г. С. Короленко обвинялся не въ диффамаціи, причемъ онъ не могъ бы доказывать справедливости своихъ нареканій на г. Гладкаго, а въ клеветѣ, то ему предоставлена была полная возможность всякій извѣтъ свой подтвердить всѣмъ, чѣмъ только захочетъ. Оказалось, однако, что доказательствъ у него не было никакихъ, и какъ многіе доброхотные цицероны »Гражданина», весь жаръ и гнѣвъ своихъ обличеній онъ строилъ на очень нехитромъ секретѣ — лжи. Признанный виновнымъ въ клеветѣ, г. С. Короленко приговоренъ петербургскимъ окружнымъ судомъ къ 2-хъ мѣсячному тюремному заключенію, по 1535 ст. улож. о нак. (См. №№ 15 и 19 газеты »Недѣли», 1893 г.)

»Осужденный клеветникъ», г. С. Короленко, тотчасъ же послѣ своихъ скандальныхъ экономическихъ обзоровъ о Финляндіи въ »Новомъ Времени» былъ приглашенъ къ сотрудничеству въ бобриковскомъ оффиціозѣ, какъ лицо, вполнѣ подходящее для такого дѣла; теперь же онъ за послѣднее время сталъ подъ псеудонимомъ »С. К.» опять писать въ »Новомъ Времени» свои жандармскіе доносы о Финляндіи, полные искаженій и явныхъ превратностей.

*) Самымъ г-мъ В. К. Плеве, пригласившимъ его писать.

ствіе чего разница между ними по его исчисленіямъ, на основаніи »Статистическаго ежегодника» за періодъ 1889—1899 гг., возросла почти до 300 милліоновъ марокъ. Другимъ доказательствомъ служитъ, яко бы, быстрый ростъ государственнаго долга Финляндіи, который въ 1898 г. достигъ 120 милліоновъ марокъ, падая на каждаго жителя въ размѣрѣ 46 марокъ. Въ 1890 г. былъ сдѣланъ заемъ въ 40 ½ милліоновъ марокъ, въ 1895 г. — 18 милл. марокъ, въ 1898 г. — въ 55 милл. марокъ. Судя по тому какъ онъ передаетъ, можно предложить, что государственный долгъ послѣ 1890 г. возросъ почти до полной суммы всѣхъ заключенныхъ займовъ, такъ какъ онъ упомянулъ лишь мимоходомъ, и то въ скобкахъ, что одна часть займа была обращена на конверсію, и совершенно умалчиваетъ насчетъ того, что государственный долгъ въ общей сложности достигалъ въ 1890 г. — 85,3 милл. марокъ. Чтобы усилить эффектъ, онъ прибавляетъ, что внѣшній долгъ общества поземельнаго кредита въ 28 милл. марокъ тоже слѣдуетъ присоединить къ государственному долгу, вслѣдствіе чего задолженность каждаго жителя увеличится еще на 11 марокъ. Государственный долгъ Россіи, говоритъ онъ, падаетъ на каждую душу въ размѣрѣ 40 марокъ и вызванъ преимущественно военными издержками — что по мнѣнію г:на К. составляетъ чрезвычайное преимущество, между тѣмъ какъ Финляндія должала съ другою цѣлью, обращая часть »на покрытіе дефицита въ торговомъ балансѣ». Въ заключеніе г. С. Короленко находитъ еще одинъ, угрожающаго характера, признакъ экономическаго упадка Финляндіи. Количество золота въ финляндскомъ банкѣ съ 1 января 1889 г. по январь 1898 г. уменьшилось съ 22 милл. мар. до 20 милл. мар., а количество серебра съ 4,7 до 2,4 милл. мар., между тѣмъ какъ число кредитныхъ билетовъ въ обращеніи возросло на сумму съ 48,8 милл. мар. до 71,5 милл. мар.

Все это приводитъ г. К. къ заключенію, что »финансовое положеніе Финляндіи при иныхъ обстоятельствахъ не могло бы до сихъ поръ продержаться и давно бы вызвало острый финансовый кризисъ». Въ поискахъ объясненія этого финансоваго положенія Финляндіи онъ его открываетъ, наконецъ, въ томъ, что Россія для Финляндіи имѣетъ такое же значеніе какъ Индія для Англіи. Это заключеніе должно, молъ, понять какъ варіантъ устарѣлой фразы, будто »Финляндія живетъ на счетъ Россіи».

Таково, въ общемъ, содержаніе первой замѣтки г. С. Короленко.

Г. С. Короленко склоненъ видѣть весьма прискобное явленія въ томъ обстоятельствѣ, что въ теченіе десяти лѣтъ импортъ превышалъ экспортъ на сумму въ 300 милліоновъ марокъ. Но С. Короленко, вѣроятно, не знаетъ, что то же самое встрѣчается во всѣхъ европейскихъ странахъ, за исключеніемъ Россіи, Австріи, Венгріи, Португаліи и Сербіи, и что даже въ Испаніи цѣнность импорта лишь немного превышаетъ цѣнность экспорта. Мы не будемъ говорить объ Англіи, въ виду того, что г. С. Короленко не признаетъ этого примѣра, ссылаясь на развитіе ея колоній. Но, вѣдь, Франція, Германія, Бельгія, Скандинавскія страны, Швейцарія и др. — всѣ онѣ изъ года въ годъ показываютъ значительные »дефициты въ торговомъ балансѣ» и все же не изнемогаютъ вслѣдствіе какихъ-то »острыхъ финансовыхъ кризисовъ». Только что сказанное достаточно убѣдительно, чтобы можно было понять, почему »Финляндію вовсе не озабочиваютъ ея хроническіе дефициты въ торговомъ балансѣ» *).

---

*) »Сынъ Отечества» въ №о 135 и 141 также началъ было въ послѣдніе дни своего существованія цѣлую серію статей, подробно разоблачающихъ весь сказочный элементъ сообщеній г. С. Короленко. Такъ напримѣръ, газета о превышеніи импорта надъ экспортомъ высказывается слѣдующимъ образомъ:

»Упорно придерживаясь давно обветшалой теоріи меркантилистовъ, С. Короленко, какъ нельзя лучше, подчеркиваетъ этимъ свое полное незнаніе разбираемаго вопроса. Немудрено, что запоздалый послѣдователь абсурдныхъ теорій разрѣшился цѣлымъ рядомъ удивительныхъ умозаключеній, не выдерживающихъ ни малѣйшей критики, и попалъ въ такія дебри, откуда ему не удается выбраться, даже при самомъ искусномъ умѣніи жонглировать цифрами. Становясь на его точку зрѣнія, т. е., признавая въ каждой странѣ превышеніе цѣнности экспорта надъ цѣнностью импорта почти единственнымъ обстоятельствомъ, обусловливающимъ въ ней возможность прогрессивнаго улучшенія экономическаго положенія — придется, къ ужасу всего просвѣщеннаго міра, распредѣлить европейскія страны въ слѣдующемъ порядкѣ, по процентному отношенію цѣнностей экспорта къ импорту (за 1897 г.).

1)	Испанія	150 %
2)	Россія	117 »

Что касается »значительнаго роста» нашего государственнаго долга, то онъ къ 1 января 1890 г. достигъ 85,3 милліоновъ марокъ и въ 1900 г. — 112,5 милл. мар., вслѣдствіе чего онъ за десять лѣтъ увеличился, всего на все, на 27 милл. марокъ. А такъ какъ за это же время былъ заключенъ въ много разъ большей суммѣ желѣзнодорожные займы, то ясно, что погашеніе государственнаго долга Финляндіи происходило вполнѣ естественно и безъ малѣйшихъ затрудненій. Никакихъ займовъ для покрытія дефицитовъ въ бюджетѣ не производилось, а напротивъ, всѣ упомянутые займы предназначались для сооруженія новыхъ желѣзнодорожныхъ линій, которыхъ въ первые девять лѣтъ выше означеннаго десятилѣтія построено на протяженіи 640 километровъ. Цѣнность государственныхъ желѣзныхъ дорогъ, такимъ образомъ, съ увеличеніемъ также подвижного состава на старыхъ дорогахъ, въ теченіе этого времени возросла съ 143 милліоновъ марокъ до 217 милл. мар., т. е. на 75 милл. мар., или на сумму почти въ три раза большую, чѣмъ приростъ за это время государственнаго долга (27 милл. мар.). Въ настоящее время весь государственный долгъ Финляндіи равняется лишь поло-

---

3)	Австро-Венгрія	102 %
4)	Франція	90¾ »
5)	Италія	90 »
6)	Данія	88⅛ »
7)	Швеція	87¾ »
8)	Германія	86¾ »
9)	Нидерланды	86⅔ »
10)	Белгія	86¼ »
11)	Финляндія	83 »
12)	Швейцарія	67 »
13)	Норвегія	63½ »
14)	Румынія	63 »
15)	Великобританія	50 »

Слѣдовательно, если судить объ экономическомъ положеніи всѣхъ странъ по тѣмъ дефицитамъ, которые онѣ обнаруживаютъ въ торговомъ балансѣ, то окажется, вопреки всякимъ ожиданіямъ и самой дѣйствительности, что Испанія (наканунѣ краха), Россія и Австро-Венгрія должны быть признаны находящимися въ самыхъ благопріятныхъ экономическихъ условіяхъ, а Англія, эта богатѣйшая въ мірѣ страна, окажется наизлосчастнѣйшею изъ всѣхъ странъ.....»

винѣ общей цѣнности ея правительственныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Г. С. Короленко разчиталъ, что финляндскій государственный долгъ ложится на каждаго жителя въ размѣрѣ 46 марокъ, между тѣмъ какъ въ Россіи на каждую душу приходится только 40 марокъ.... Но дѣло въ томъ, что въ настоящее время упоминаемый финляндскій государственный долгъ всецѣло состоитъ изъ внѣшнихъ займовъ, между тѣмъ какъ въ государственный долгъ Россіи входятъ и внѣшные и т. н. внутренные займы. Г. С. Короленко, очевидно, полагаетъ, что съ государственно-финансовой точки зрѣнія должно существовать различіе между обоими видами займа и что облигаціи внѣшняго займа на самомъ дѣлѣ должны держаться внѣ страны, внутренніе же займы — оставаться въ ней. Въ дѣйствительности облигаціи обѣихъ категорій находятся и тутъ и тамъ, а наименованія — внутренній и внѣшній опредѣляютъ лишь способъ эмиссіи займовъ, не указывая, однако, мѣсто нахожденія кредитора, т. е. владѣльца государственныхъ облигацій. Желаніе отбросить въ сторону »внутренніе займы«, при сличеніи государственныхъ долговъ двухъ странъ, является произволомъ и несправедливостью и должно привести къ совершенно невѣрнымъ результатамъ. Не ограничиваясь только выбираніемъ кое-чего изъ всего имѣющаго отношеніе къ государственному долгу Россіи, г. С. Короленко оставилъ въ сторонѣ подсчетъ всѣхъ желѣзнодорожныхъ займовъ. Поэтому не удивительно, что получился подобный результатъ. Поступая добросовѣстно, нужно было всему государственному долгу Финляндіи въ 112,5 милл. мар., или 43 марки на каждаго жителя, противупоставить весь государственный долгъ Россіи, который достигаетъ — 6,109,000,000 рублей, или 127 мар. на жителя. Противъ выводовъ г. Короленко насчетъ »большого« государственнаго долга Финляндіи, только что сказанное нами будетъ, пожалуй, вполнѣ достаточно.

Говоря о количествѣ золота въ финляндскомъ банкѣ, г. К., очедвидно, упускаетъ изъ виду, что обезпеченіе банковыхъ билетовъ въ обращеніи заключается не только въ одной наличности золота, или въ »золотой кассѣ«, банка. Сюда слѣдуетъ, по уставу банка, кромѣ того, причислить вѣрныя требованія у его заграничныхъ агентовъ, а также нѣкоторыя заграничныя облигаціи, легко реализируемыя въ золото. Общая сумма валюты

для выпуска банковыхъ билетовъ, въ названные г:нъ К. годы достигала 47 и 82 милл. марокъ. Но каждый разъ, при томъ, часть той суммы, на которую банкъ въ правѣ выпустить кредитныхъ билетовъ, оставалось у него въ резервѣ, — къ 1 янв. 1889 г. — на 8,7 милл. мар. и въ 1898 г. на 23,9 милл. марокъ. Впрочемъ, наличность золота въ банкѣ сама по себѣ не можетъ служить критеріумомъ для опредѣленія денежнаго положенія. Его опредѣляетъ совокупность общихъ денежныхъ условій, а также экономическое положеніе населенія, которое, весьма естественно, должно имѣть большое значеніе въ разрѣшеніи вопроса о цѣлесообразности мѣропріятій, предпринимаемыхъ въ цѣляхъ установленія правильнаго обращенія банковыхъ билетовъ.

Что наконецъ касается утвержденія, будто Россія играетъ для Финляндіи ту же роль, что Индія для Англіи, то г. К., разумѣется, этимъ лишь имѣлъ въ виду ударить по струнамъ шаувинизма. Тамъ гдѣ эти струны звенятъ, разсудокъ, какъ извѣстно, умолкаетъ, а для статей, подобныхъ произведеніямъ г:на К., невыгодно, если къ нимъ относишься критически .... Несостоятельность его вывода ужъ явствуетъ изъ одного того, что Россія, вѣдь, тщательно охраняетъ себя покровительственными пошлинами по отношенію къ промышленности Финляндіи, тогда какъ въ Индіи двери широко раскрыты для англійской торговли и предпріимчивости всѣхъ родовъ ....

* * *

Точно также и гельсингфоргская газета »Hufvudstadsbladet» сочла необходимымъ помѣстить довольно внушительную отповѣдь по адресу автора нововременскихъ статей о экономическомъ положеніи Финляндіи. Итакъ »Hufvudstadsbladet» отъ 10:го апрѣля м. пр. пишетъ:

Тенденціозная статистика.

Послѣдняя неудача (фіаско) г. В. Гольмстрема въ выясненіи финляндскихъ дѣлъ, вѣроятно, у многихъ еще сохранилась въ памяти. Въ настоящее время другой оруженосецъ — г. С.

Короленко выступилъ на арену и старается заслужить себѣ шпоры такимъ же образомъ, какъ и его предшественникъ. Почти одновременное ихъ появленіе изъ мрака неизвѣстности болѣе чѣмъ случайно; точно также результаты ихъ писаній имѣютъ, безъ сомнѣнія, много общаго. Извѣстный отзывъ относительно способа обращенія съ цифрами, ведущаго къ тому что изъ »бѣлаго получается черное», имѣлъ въ ихъ статьяхъ полное примѣненіе. Статья г. С. Короленко »О торговлѣ и денежныхъ дѣлахъ Финляндіи», помѣщенная въ »Новомъ Времени», начинается слѣдующимъ, для его же статьи характернымъ изрѣченіемъ: »Мы, русскіе, о ней (Финляндіи) собственно ничего не знаемъ, или если доходятъ до насъ о ней какія-либо свѣдѣнія, то въ родѣ тѣхъ, какія черпаются изъ разсказовъ старыхъ нянюшекъ на сонъ грядущій». Въ самомъ дѣлѣ: — г. Короленко обнаруживаетъ удивительное незнаніе первыхъ основъ политической экономіи, а между тѣмъ берется о нихъ разсуждать. Точно также и его спеціальныя свѣдѣнія по финляндскимъ вопросамъ являются возможно минимальными. Онъ утверждаетъ, что финансовое положеніе Финляндіи при другихъ условіяхъ давно уже оказалось бы шаткимъ и кончилось бы острымъ финансовымъ кризисомъ. Весьма важнымъ доказательствомъ въ его глазахъ служитъ то обстоятельство, что торговый балансъ является невыгоднымъ для Финляндіи, такъ какъ за послѣднее десятилѣтіе ввозъ превысилъ вывозъ почти на 300 милліоновъ марокъ.

.... Что касается развитія ввоза, то главною причиною тому служитъ усложненіе самой жизни и бо́льшая потребность также въ предметахъ далеко не первостепенной необходимости. Впрочемъ, не слѣдуетъ забывать, что торговля составляетъ лишь одну отрасль въ экономической жизни народа. Экономическая дѣятельность, продолжавшая сильнѣе развиваться въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, создала новые способы къ пріобрѣтеніямъ и увеличенію доходовъ и содѣйствовала относительному образованію капиталовъ. Правда, мы не имѣемъ полной имущественной статистики, но у насъ на лицо свѣдѣнія насчетъ различныхъ областей экономическаго развитія страны, изъ которыхъ мы можемъ привести цифровыя данныя....

Касаясь главныхъ отраслей производства, надо замѣтить, что много капиталовъ и труда неразрывно связаны съ земледѣ-

ліемъ, которое, по мѣрѣ увеличенія доходности, способствовало увеличенію въ странѣ капиталистическаго ея состоянія. За 1898—1899 г. цѣнность промышленнаго производства значительно превысила 200 милл., — противъ 109 милл. марокъ за 1892 годъ. Общая сумма капитала, вложеннаго для образованія новыхъ акцій за 1897—1898 г., составляетъ 59 милл. марокъ. Къ этому надо еще прибавить увеличеніе капиталовъ существовавшихъ уже акціонерныхъ обществъ. На строительныя предпріятія въ городахъ израсходованы значительныя суммы, приносящія также проценты и представляющія весьма прибыльную статью прогрессивнаго свойства. Наконецъ, судоходство приноситъ странѣ не мало годового дохода, причемъ капиталы возвращаются обратно въ страну и различными иными путями и способами, какъ, напр., присылкою эмигрантами денегъ, про-центами съ заграничныхъ бумагъ, наплывомъ иностранныхъ туристовъ и т. д. Постепенно возрастаетъ также помѣщеніе капиталовъ въ банки. Одни только вклады въ сберегательныхъ кассахъ, достигавшіе въ декабрѣ мѣсяцѣ 1892 года 40 милл. марокъ, въ 1898 г. возросли до 67 милл. мар., образовавъ разницу въ 27 милл. мар. Въ частныхъ банкахъ числилось за августъ мѣсяцъ 1892 г. вкладовъ на 105 милл. мар., между тѣмъ какъ семью годами позже тотъ же счетъ во всѣхъ сохранныхъ банкахъ, взятыхъ вмѣстѣ, достигалъ 276,000,000 марокъ, т. е. возросъ на 143 процента. Надѣемся, что вышеприведенное будетъ вполнѣ достаточно, чтобы доказать всю неосновательность опасеній г. С. Короленки, насчетъ предстоящаго экономическаго кризиса въ Финляндіи. Торговый балансъ имѣетъ, впрочемъ, совсѣмъ другое значеніе въ странѣ, гдѣ замѣчается сравнительно меньшая достаточность населенія. Замѣчанія автора насчетъ того, что въ Россіи спорятъ о 38 милліонномъ дефицитѣ въ ея торговомъ балансѣ за 8 мѣсяцевъ 1899 г. и обсуждаютъ его вліяніе на финансовое и экономическое ея положенія, можно, поэтому, пожалуй, признать правильными. По вопросу о нашемъ государственномъ долгѣ намъ не придется тратить много словъ. Государственный долгъ Финляндіи въ началѣ 1900 г. достигалъ 112,500 милл. марокъ (а не 120 милл. мар., какъ утверждаетъ Короленко). Сюда включенъ также трехпроцентный заемъ въ 55 милл. мар., заключенный въ 1898 году исключительно ужъ въ виду существовавшихъ тогда особо выгодныхъ условій.

Вообще извѣстно, что наши займы заключаются, не благодаря неизбѣжной нуждѣ — не для покрытія какого-либо дефицита въ торговомъ балансѣ, но по строго обдуманному заранѣе плану, на весьма выгодныхъ условіяхъ и съ цѣлью развитія желѣзнодорожной сѣти, чтобы этимъ еще болѣе упрочить экономическое преуспѣяніе страны. Стоитъ замѣтить, что наша финансовая политика по отношенію къ желѣзнодорожнымъ сооруженіямъ обратила вниманіе, напр., въ Норвегіи и побудила ее слѣдовать нашему примѣру. Что касается государственнаго долга Россіи, то С. Короленко приводитъ неправильныя цифры, такъ какъ онъ, довольно странно, вовсе не принялъ въ расчетъ ея внутреннія займы. Къ 1 января 1881 г. государственный долгъ Россіи составлялъ 3,840,000,000 рублей и того же числа въ 1897 году достигалъ — 2,128,000,000 рублей металл. и 2,857,000,000 кред. рубл., или всего 6,050,000,000 рублей. Но общая сложность государственнаго долга опять-таки ничего не говоритъ сама по себѣ. Чтобы судить о ней правильно, необходимо принять во вниманіе зажиточность народа и его способность платить налоги. Г-нъ С. Короленко стремится во что бы то ни стало придти къ заранѣе установленному имъ умозаключенію насчетъ неудовлетворительности экономическаго положенія Финляндіи и на основаніи нѣсколькихъ неполныхъ и случайно схваченныхъ цифровыхъ данныхъ доказать, что положеніе финляндскаго банка таково же. Онъ говоритъ, что золотой фондъ финляндскаго банка за послѣднія десять лѣтъ уменьшился приблизительно на 2 милл. мар., а серебро болѣе чѣмъ на 2 милл. мар. Эти колебанія необходимо признать вполнѣ нормальными, въ виду того, что наличность никогда не была менѣе 20 милл. мар., каковая сумма, согласно постановленію сейма 1878 г., есть минимальная граница, допускаемая для банка. Впрочемъ, С. Короленко навѣрно не знаетъ, что къ металлической валютѣ банка относятся не только металлическая касса, или драгоцѣнный металлъ въ чеканномъ и нечеканномъ видѣ, но также безспорныя долговыя претензіи банка у своихъ агентовъ за границей, а равно и цѣнность облигацій или государственныхъ бумагъ въ заграничныхъ деньгахъ и легко обращаемыхъ въ драгоцѣнный металлъ. Эти-то заграничныя долговыя претензіи и цѣнныя бумаги составляли въ декабрѣ 1894 года только 32 милліона мар., а къ 1 января 1898 года достигали безъ малаго 59 милл., вслѣд-

ствіе чего металлическая валюта для выпуска кредитныхъ бумагъ за упомянутый годъ доходила до 82 милліоновъ марокъ (а не 23 м. м., какъ полагаетъ Короленко) и превысила, такимъ образомъ, на 10 милліоновъ мар. всю цѣнность находящихся въ обращеніи кредитныхъ билетовъ.*)

Такимъ образомъ, читатель познакомился еще съ однимъ изъ многочисленыхъ въ русской печати, такъ называемыхъ, »знатоковъ» финляндскихъ дѣлъ. Онъ познакомился съ однимъ изъ тѣхъ виртуозовъ-жонглеристовъ, спеціальныя познанія которыхъ о нашемъ краѣ не устоятъ передъ самой снисходительной критикой и всѣ безсмысленныя разсужденія конхъ при одномъ прикосновеніи послѣдней должны рухнуть, подобно карточнымъ домамъ.

---

*) Не менѣе дики и тѣ свѣдѣнія, которые съ очевидной тенденціозностью приводятся въ »Финляндской Газетѣ» о Финляндскомъ банкѣ. Въ №о 8 этой газеты за 1900 г. утверждается будто: »Золотой запасъ финляндскаго банка дастъ обезпеченіе банковыхъ билетовъ въ обращеніи въ размѣрѣ 28 ½ % на сто», тогда какъ это обезпеченіе, какъ мы видѣли, значительно больше ста процентовъ.

IV.

ЛОЖЬ МОСКОВСКАГО ПРОФЕССОРА ТАРАСОВА.

Укажите мнѣ другую страну, въ которой наглость и ложь могли бы свить себѣ столь прочныя гнѣзда какъ въ Россіи Навряд ли можно найти такую страну, и это знаютъ сами русскіе. Дѣйствительно ложь пустила въ Россіи глубокіе корни, благодаря господствующей тамъ системы внутренняго управленія. Ложью заражена не только вся реакціонная печать и ея сотрудники, но и значительная часть русской бюрократіи, оффиціальная дѣятельность коей существеннымъ образомъ зиждется на лживыхъ доносахъ чиновъ жандармскаго вѣдомства, сыщиковъ и другихъ нравственно падшихъ лицъ. Ложь — это та сила въ Россіи, предъ которою рушатся всѣ преграды и съ помощью которой достигаются почести, захватывается власть и поддавляется свобода народная ... Чтобы вредить и Финляндіи, ложь и обманъ пущены въ ходъ, какъ извѣстно, также въ самыхъ чудовищныхъ размѣрахъ.

Удивительно при этомъ между прочимъ, что нашелся даже профессоръ — г. Тарасовъ —, который показываетъ пагубные примѣры и лжетъ въ печати, хвастаясь своимъ безстыдствомъ. Если вообще ложь, исходящаго отъ необразованнаго человѣка, и та должна строго осуждаться, то какъ должно на самомъ дѣлѣ относиться къ жрецу науки, прибѣгающему къ гласной лжи или къ клеветѣ въ печати? .... Вотъ каковъ инцидентъ съ профессоромъ Тарасовымъ.

Въ »Московскихъ Вѣдомостяхъ» появилась статья нѣкоего »Славина» (псевдонимъ г. Тарасова), озаглавленная »Случайная встрѣча». Изъ этой длинной и своеобразной статьи заимствуемъ слѣдующую выдержку: »Въ вагонѣ одной изъ заграничныхъ желѣзныхъ дорогъ встрѣтился я съ однимъ знакомымъ мнѣ, небезызвѣстнымъ въ ученомъ мірѣ, итальянцемъ. Поздоровались и разговорились, причемъ въ бесѣдѣ нашей принялъ участіе и ѣхавшій со мной весьма симпатичный французъ, убѣжденный монархистъ и горячо преданный Россіи человѣкъ». .... Послѣ изложенія, по своему, разумѣется, содержанія этого разговора, г. Тарасовъ заявляетъ, будто — »потребовалось не менѣе двухъ часовъ времени, чтобы переубѣжденнымъ собесѣдникамъ моимъ представить все это дѣло такъ, какъ оно есть въ дѣйствительности, а не въ измышленіяхъ(!) разныхъ финляндскихъ политикановъ». (Можно себѣ представить, какъ близокъ онъ былъ къ дѣйствительности)... »Собесѣдники мои слушали меня съ величайшимъ вниманіемъ, неоднократно требовали дополнительныхъ разъясненій, мѣстами возражали, въ концѣ же концовъ оба пришли къ заключенію, что скорѣе нужно удивляться не тому, что дѣлается теперь, а тому, что дѣлалось раньше и что привело къ теперешней развязкѣ. Мой итальянецъ, ручаюсь за это, въ другой разъ депутатомъ по финляндскимъ дѣламъ не поѣдетъ, да и другимъ посовѣтуетъ такихъ лавровъ въ свои вѣнки не вплетать....»

»Финляндская Газета» въ №о 100 1900 г. тотчасъ же перепечатала эту ложь, снабдивъ ее слѣдующей припиской:

»Было бы очень хорошо, если бы русскіе люди отложили присущую имъ скромность (о боги!), и почаще помогали, по примѣру автора, разгонять мракъ, господствующій въ заграничныхъ представленіяхъ о русскихъ дѣлахъ вслѣдствіе незнанія. Противъ сознательной клеветы, конечно, безсильны всякія разъясненія. Но заграницею найдется много людей, желающихъ узнать правду о Россіи и лишенныхъ возможности узнать её, ибо они слышатъ и читаютъ о Россіи ложь, внушенную умысломъ или невѣдѣніемъ.»

Между тѣмъ, спустя нѣкоторое время, послѣ напечатанія въ »Московскихъ Вѣдомостяхъ» статьи профессора Тарасова, было прислано въ редакцію гельсингфорсской газеты »Afton-

posten» письмо отъ профессора Эмиліо Брюза*), которое мы и приводимъ здѣсь въ переводѣ.

»Господину редактору »Aftonposten».

Гельсингфорсъ.

Возвратившись со съѣзда при невшательскомъ »Институтѣ международнаго права» (L'Institut de Droit international), я узналъ, что въ »Московскихъ Вѣдомостяхъ» была помѣщена статья, озаглавленная »Встрѣча» и перепечатанная затѣмъ, 6-го сентября, »Финляндской Газетой». Эта статья касается прямо итальянскаго члена той международной депутаціи, которая пріѣзжала прошлымъ лѣтомъ въ Россію, чтобы представить Царю адресъ, въ пользу Финляндіи, и подписанный болѣе чѣмъ тысячью учеными двѣнадцати европейскихъ національностей.

Я — этотъ итальянецъ; это я который имѣлъ честь участвовать въ Миссіи, которую Царь счелъ удобнымъ не допустить для личнаго съ нимъ свиданія.

Итакъ въ статьѣ говорится будто я, итальянецъ, примирился теперь съ политикой Россіи, которая, будучи всегда тверда въ общемъ направленіи своей превосходной внѣшней политики, приняла съ нѣкотораго времени по отношенію къ Финляндіи новое направленіе, противное благороднымъ ея традиціямъ.

Таковой переворотъ въ моихъ мысляхъ произведенъ, яко бы, самымъ авторомъ упомянутой статьи, московскимъ профессоромъ Тарасовымъ. Для этого, по его мнѣнію, достаточно было одного разговора, происходившаго между нимъ, моимъ другомъ французомъ и мною во время нашего посѣщенія, вмѣстѣ съ другими членами международнаго пенитенціарнаго конгресса, 11-го минувшаго августа благотворительныхъ колоній Беернемъ и Рюсселеде г. Брюсселя.

---

*) Итальянскій ученый, президентъ различныхъ ученыхъ обществъ и профессоръ международнаго права при туринскомъ университетѣ, принимавшій участіе въ международной депутаціи, прибывшей въ 1899 г. въ Петербургъ для подачи адреса, въ пользу конституціонныхъ правъ финскаго народа и подписаннаго болѣе чѣмъ 1050 выдающимися европейскими учеными.

Если бы разъясненія, данныя намъ русскимъ коллегой на вопросы француза г:на Ривіера, симпатичнаго генеральнаго секретаря »la Société des prisons en France», дѣйствительно въ состояніи были произвести этотъ переворотъ — эксплуатируемый, очевидно, съ удовольствіемъ въ анти-финской печати — я первый очень обрадовался бы этому. Правда прежде всего: amicus Plato, sed magis amica veritas! Но, къ несчастью, это вовсе не такъ. Въ дѣлѣ, касающемся личной моей совѣсти, необходимо вѣрить мнѣ, и мнѣ одному, если желаютъ знать — испыталъ ли я, или нѣтъ, чудодѣйственное вліяніе нѣсколькихъ объясненій, услышанныхъ въ вагонѣ при отсутствіи съ моей стороны всякаго намѣренія опровергать ихъ при помощи цѣлой библіотеки политико-юридическихъ документовъ, прочитанныхъ уже мною и тщательно изученныхъ. Я не вхожу здѣсь въ подробности, — это было бы напрасно и скучно какъ для меня, такъ и для читателей. Я желаю только увѣрить моихъ друзей — финляндцевъ и русскихъ — что я вовсе не жалѣю ни объ отказѣ въ аудіенціи при русскомъ дворѣ, ни о путешествіи, предпринятой съ этою цѣлью. Выраженія благодарности, доходившія до насъ и продолжающія до сихъ поръ прибывать ко мнѣ и пяти моимъ почтеннымъ соучастникамъ въ международной депутаціи, со стороны многихъ тысячъ передовыхъ людей Финляндіи, принадлежащихъ ко всѣмъ классамъ общества, суть доказательства того блага, или даже лишь того облегченія и той моральной поддержки, которыя все же извлекла изъ нашей миссіи эта благородная нація. Исторія отмѣтитъ непосредственную симпатію ученаго міра къ этой націи, также какъ и тотъ поворотъ императорской политики, который вызвалъ эту симпатію въ тотъ самый моментъ, когда собиралась конференція въ Гаагѣ, равно какъ и послѣ разочарованій, слѣдовавшихъ за этимъ дѣломъ мира.

Будущее покоится на лонѣ Юпитера, говорили наши древніе предки, и я, вмѣстѣ съ ними, повторяю это здѣсь. Міръ не управляется столько физическими, сколько нравственными силами и, что меня касается, то я всегда вѣрилъ, что этимъ послѣднимъ принадлежитъ окончательная побѣда.

Миланъ 18 сентября 1900 г.

Э. Брюза.»

Письмо Брюза было напечатано въ финляндскихъ газетахъ какъ на французскомъ языкѣ, такъ и въ переводѣ. Нечего и говорить, что оно произвело вездѣ извѣстное впечатлѣніе. Впослѣдствіи появилась также и въ »Сѣверномъ Курьерѣ» N:o 305 за 1900 г. довольно рѣзкая замѣтка, озаглавленная: »Недоразумѣніе или нѣтъ?» которая заканчивалась слѣдующими строками: »Можно надѣяться, что г. Тарасовъ и »Московскія Вѣдомости» не замедлятъ дать разъясненіе этого страннаго недоразумѣнія, перепечатавъ заодно, въ интересахъ истины, опроверженіе г-на Брюза.»

Газета »Россія» въ N:o 507 за 1900 г., перепечатавъ нѣсколько выдержекъ изъ этой замѣтки, заключаетъ:

»Что ужъ тутъ разъяснить! Немного наразъяснишь. »Московск. Вѣдом.» остается лишь съ укоромъ классически воскликнуть: — Tu, quoque, Bruse!

А профессору Тарасову — въ стыдливомъ молчаніи сознавать, что его какъ бы брусомъ пришибло.»

Такъ профессоръ Тарасовъ и поступилъ, сочтя, быть можетъ, самымъ удобнымъ для себя не поднимать этого дѣла. За него въ »Московскихъ Вѣдомостяхъ» N:o 268 отвѣтилъ нѣкій Н. А. Талинъ (псевдонимъ генеральнаго штаба подполковника Ниве*), служащаго въ крѣпости Свеаборгѣ). До какой наглости

*) Наилучшею аттестаціею г:ну Ниве служитъ слѣдующій отзывъ бывшаго его прямого начальника, состоявшаго въ штабѣ финляндскаго военнаго округа подполковника Д...., а именно: »На мнѣ лежитъ двойная тяжесть, такъ какъ Ниве въ штабѣ ничего не дѣлаетъ, а занимается лишь переводами изъ здѣшнихъ журналовъ; онъ все время пишетъ и конца нѣтъ,.... пишетъ онъ разныя статьи про Финляндію, передаваемыя имъ главнымъ образомъ въ »Свѣтъ». Да ужъ нечего о немъ говорить, за три рубля онъ готовъ писать любую статью, какъ противъ, такъ и за Финляндію.» Подполковникъ Д.... впослѣдствіи самъ перевелся изъ Гельсингфорса, дабы не быть замѣшаннымъ въ дѣлѣ писанія всякаго рода »мерзостей» въ газетахъ.

Собственно говоря, преступная писательская дѣятельность гг. Ниве, Зейна, Дебеша и пр. — составляетъ, такъ сказать, лишь печальный плодъ системы Бобрикова вообще. Кому неизвѣстно, что Бобриковъ не только допускаетъ, но и всячески побуждаетъ — даже черезъ посредство самаго войскового началь-

доходитъ этотъ воинскій чинъ, бросая новыя отвратительныя обвиненія и оскорбленія въ финляндцевъ и въ итальянскаго ученаго видно изъ слѣдующихъ его строкъ. Перепечатавъ ясный и очень недвусмысленный отвѣтъ проф. Брюза, онъ пишетъ: »Но дѣло вѣдь въ томъ что въ приведенномъ письмѣ, — писано оно или нѣтъ самимъ итальян-

---

ства — русскихъ офицеровъ писать извѣстнаго рода »корреспонденціи» про Финляндію, предлагая имъ, какъ утверждаютъ, вознагражденіе изъ предоставленныхъ ему незаконнымъ образомъ финляндскихъ суммъ. Въ какой мѣрѣ обнаруживаются уже признаки развращенія нравственности въ офицерской русской средѣ, благодаря различнымъ таковымъ обстоятельствамъ, видно, между прочимъ, изъ интереснаго самопризнанія нѣкоей »Жены русскаго офицера», пишущей съ большей развязностью въ »Развѣдчикѣ» N:o 494, 1900 г. о выгодахъ для русскихъ офицеровъ получать содержаніе въ Финляндіи, не по курсу, а »al pari». Утверждая, что финны, будто, называютъ »всѣхъ(!!) русскихъ врагами Финляндіи, варварами, шпіонами, кротами и агитаторами», она въ простотѣ своей душевной присовокупляетъ: »Все это мы терпимъ, по свойственному русскимъ добродушію, такъ и потому, что самое главное, что наши мужья получаютъ содержаніе золотомъ» .... (Курс. нашъ).

Другою чертою, свойственной системѣ генерала Бобрикова, является удаленіе изъ офицерскаго состава русскихъ войскъ, расположенныхъ въ Финляндіи, всѣхъ лицъ, питающихъ расположеніе къ Финляндіи и къ ея порядкамъ. Такимъ образомъ опытный помощникъ финляндскаго генералъ-губернатора, генералъ-лейтенантъ Гончаровъ былъ неожиданно назначенъ въ члены военнаго совѣта; точно также начальникъ штаба финляндскаго военнаго округа, генералъ-маіоръ баронъ Н. Каульбарсъ, былъ перемѣщенъ въ военно-ученый комитетъ, а на его мѣсто временно назначенъ полковникъ Кайгородовъ, работавшій въ штабѣ войскъ гвардіи и Петербургскаго военнаго округа, »подъ непосредственныхъ руководствомъ» Бобрикова и играющій нынѣ столь жалкую роль въ качествѣ незаконнаго губернатора Нюландской губерніи; также и новый начальникъ штаба округа (послѣ ген. Глазова) генералъ Родзянко, увидя, очевидно, невозможность служить честно вмѣстѣ съ Бобриковымъ, былъ, по собственному желанію, поставленъ въ распоряженіе военнаго министра, и т. д.

Но заботы Бобрикова объ »очищеніи» русскаго общества въ Финляндіи не ограничиваются однимъ лишь военнымъ вѣдомствомъ. И частные русскіе гражданскіе кружки ему хотѣлось бы »очистить» ото всѣхъ непріятныхъ для него и одаренныхъ критическимъ складомъ ума свидѣтелей. Такъ нѣкоторый учи-

скимъ профессоромъ (!) *) — видно полное извращеніе смысла (?!) замѣтки г. Славина.»

Далѣе недоучившійся подполковникъ не стѣсняется еще преподать знаменитому ученому совѣтъ, »чтобы добиться правды», не ограничиваться изученіемъ финляндскихъ изданій . . . а прочесть ходя бы книжку г. Еленева, изданную во Франціи . . . . »тогда, быть можетъ, завѣса и спадетъ съ вашихъ глазъ.» Совѣтъ, нечего говорить, — хорошъ! **)

Обходя, такимъ образомъ, пустыми фразами самую суть дѣла, т. е. печатную ложь г. Тарасова относительно мнимаго переубѣжденія итальянскаго ученаго, г. Талинъ дѣлаетъ подъ конецъ слѣдующее убогое заключеніе: »истинные Русскіе люди будутъ попрежнему, какъ то и сдѣлалъ г. Славинъ, лишь (?) отвѣчать ***) на дѣлаемые имъ иностранцами вопросы, давать необходимыя разъясненія; но быть адвокатами предъ судилищемъ Европы за русскую политику въ Финляндіи никому изъ Русскихъ не пристало.»

Итакъ, »на славу», молодцы! т. н. »истинные русскіе люди», »calomniez, calomniez il en reste toujours quelque chose»! — т. е. лгите и клевещите по примѣру профессора Тарасова, цензора Еленева и прочей собратіи, подполковникъ Ниве и его единомышленники-начальники благославляютъ васъ на это »благочестивое» дѣло. А быть »адвокатами» передъ образованной Европой за азіатски-вѣроломную политику Россіи противъ Финляндіи, — это, въ виду ужъ абсолютной невозможности таковой задачи, разумѣется, вамъ и не подъ руку!

тель Выборгской русской гимназіи, женатый на родившейся и воспитанной въ Финляндіи русской, былъ, невзирая на его опредѣленные протесты, самымъ безцеремоннымъ образомъ переведенъ на соотвѣтствующую должность въ Россіи.

*) Курсивъ нашъ.

**) О достоинствѣ литературныхъ произведеній цензора Еленева по финляндскимъ дѣламъ см. выноску на стр. 15.

***) Курсивъ нашъ.

V.

ДВѢ ЗАМѢТКИ ИЗЪ »СВѢТА» НА ВЫДЕРЖКУ.

Кому неизвѣстна жалкая и клевещущая роль газеты »Свѣтъ»*) по финляндскимъ дѣламъ. Въ видѣ образчика разберемъ здѣсь первo попавшуюся замѣтку въ N:o 17 и 18 отъ 18-го и 19-го января 1901 года упомянутаго листка. »Въ ближайшемъ будущемъ» — заявляетъ »Свѣтъ» — предстоитъ разсмотрѣніе въ государственномъ совѣтѣ законопроекта о воинской повинности въ Финляндіи». А потому его гельсингфорсскій корреспондентъ**),

---

*) О »литературныхъ нравахъ» издателей »Свѣта», гг. Комарова & Гейнце, см. между прочимъ »Житейскія замѣтки» »Сѣверный Курьеръ N:o 197 1900 г. — Въ довольно извѣстной »исповѣди» г:на Гейнце относительно плагіаторскихъ продѣлокъ этихъ двухъ редакторовъ — настолько же великолѣпной, настолько наивной — г. Гейнце замѣчаетъ, что самъ считаетъ себя не литераторомъ, а »усерднымъ и аккуратнымъ газетнымъ работникомъ», »писателемъ по ремеслу!» »Съ сожалѣнію г. Гейнце — замѣчаетъ »С. Курьеръ» — не объясняетъ, почему ремесло въ примѣненіи къ писательству должно быть понимаемо непремѣнно въ смыслѣ кражи.»

**) Надо полагать, что авторомъ этой статьи является одинъ изъ постоянныхъ сотрудниковъ-корреспондентовъ »Свѣта», полковникъ генеральнаго штаба Дебецъ (писавшій также въ »Развѣдчикѣ» подъ псевдонимомъ »Стр.»). Насколько этотъ безнравственный карьеристъ презираемъ даже собственными своими офицерами свидѣтельствуютъ м. пр. выраженія горечи и досады нѣ-

съ видимою нервностью и усердіемъ подчиненнаго, старается представить этотъ важный вопросъ въ извращенномъ видѣ передъ русской публикой.

За семидесятилѣтній періодъ послѣ 1809 года*) — увѣряетъ »Свѣтъ» — Финляндія выставила, будто бы »лишь одинъ вербовочный гвардейскій батальонъ» за собрала »на нѣсколько лѣтъ послѣ крымской войны свои числившіяся только на бумагѣ(!!) поселенныя войска». Насколько это заявленіе ложно видно сейчасъ изъ нижеслѣдующихъ фактовъ. Уже въ 1812 году выставлена была на національныхъ ч а с т н ы х ъ пожертвованіяхъ три вербовочныхъ егерскихъ полка, изъ конхъ одинъ во время кампаніи 1813—14 годовъ, добровольно исполнялъ гарнизонную службу въ Петербургѣ, освобождая тѣмъ прочія войска для военныхъ дѣйствій; въ 1818 году навербованъ гельсингфорсскій учебный батальонъ, преобразованный въ 1829 году въ лейбъ-гвардіи финскій стрѣлковый батальонъ, принявшій съ отличіемъ участіе въ кампаніяхъ Россіи и повышенный за боевыя

которыхъ офицеровъ 2-го финл. стрѣлковаго полка по поводу назначенія Дебеша командиромъ ихъ части. — Кто собственно въ Гельсингфорсѣ не видѣлъ печальную личность г:на Дебеша, сновавшую въ сумеркахъ по улицамъ города съ портфелемъ подъ мышкою. Кому неизвѣстенъ этотъ »молодецъ», »готовый приступить», по собственному его выраженію, »къ самымъ рѣшительнымъ мѣрамъ необходимой обороны», или, иначе говоря, сидѣвшій съ заряженнымъ револьверомъ въ своей комнатѣ во время незначительныхъ нарушеній порядка 18-го февраля 1900 г., съ намѣреніемъ убить на повалъ перваго обезоруженнаго, звонившаго въ его двери; — между тѣмъ изъ толпы, собравшейся на улицѣ возлѣ ярко освѣщенной его квартиры и отчасти также на его лѣстницѣ, никто въ этотъ вечеръ даже не коснулся ни звонка, ни ручки его дверей. Своеобразнымъ курьезомъ является также неслыханно безсовѣстное показаніе этого г:на, написанное, по поводу названныхъ происшествій, точь въ точь въ духѣ любой замѣтки »Свѣта», а когда его затѣмъ потребовали въ судъ, чтобъ въ качествѣ свидѣтеля доказать свои отвратительныя обвиненія, то онъ (равно какъ и родственникъ Бобрикова, полковникъ Шабельскій) счелъ для себя самымъ удобнымъ не являться . . .

*) Т. е. до принятія Земскими Чинами устава о всеобщей воинской повинности отъ 27-го декабря 1878 года и сформированія расформированныхъ нынѣ незаконнымъ образомъ финскихъ войскъ.

отличія послѣ войны 1877—78 гг. въ разрядъ старой гвардіи. Изъ егерскихъ полковъ въ 1827 г. было сформировано шесть стрѣлковыхъ батальоновъ, которые однако уже въ 1840 г. были расформированы. Въ томъ же году было приступлено къ вербовкѣ морской части, »перваго финскаго флотскаго экипажа». Въ 1846 г., кромѣ того, добровольною вербовкою сформированъ одинъ гренадерскій стрѣлковый батальонъ. Въ 1853 г. былъ организованъ »второй флотскій экипажъ», первоначально только половинной численности, а въ 1854 г. состоялся первый призывъ поселеннаго войска на службу. Въ общей сложности составъ девяти поселенныхъ баталіоновъ и вышеупомянутыхъ вербовочныхъ частей къ концу крымской войны возросъ до 10,700 человѣкъ. . . .

Далѣе »Свѣтъ» приводитъ, но совершенно невѣрно, нѣкоторыя выхваченныя изъ логической связи фразы изъ рѣчей ораторовъ во время дебатовъ о введеніи всеобщей воинской повинности въ Финляндіи на сеймѣ 1877 года. Такъ, напримѣръ, газѣта увѣряетъ, будто генералъ Альфтанъ »громогласно» заявилъ, что »военная сила прекратитъ то подчиненное политическое положеніе, въ которомъ страна находилась доселѣ». Ничего подобнаго, конечно, не было сказано! Ораторъ заявилъ на дѣлѣ, что предоставленіемъ Финляндіи возможности сформировать годную военную силу »признается что то скромное*), исключительное положеніе, въ которомъ страна находилась доселѣ**) сочли теперь возможнымъ прекратить». Дабы полностью освѣтить смыслъ его рѣчи приведемъ здѣсь также слѣдующую выдержку изъ оной: »Финляндія своимъ географическимъ положеніемъ прикрываетъ С. Петербургъ отъ нечаяннаго нападенія со стороны суши и одновременно усиливаетъ морскую оборону своими портами». »Въ случаѣ если этотъ законъ будетъ принятъ» — продолжаетъ за симъ генералъ — »Финляндія существеннымъ образомъ будетъ въ состояніи оборонять сама себя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, способствовать къ оборонѣ Имперіи и въ особенности ея столицы, не

*) Шведское слово »underordnad» въ данномъ случаѣ обозначаетъ скорѣе »скромное», нежели »подчиненное».

**) Разумѣется, именно въ отношеніи спеціальнаго права имѣть собственное войско.

только — какъ до сихъ поръ — мертвою массою своей территоріи и своими портами, но также и живою силою, противуставляя грудь своихъ сыновъ противъ непріятеля, вторгающагося въ отечество». Такъ говорилъ этотъ генералъ*), оклеветаемый теперь, послѣ своей смерти, Еленевымъ, а за нимъ и корреспондентомъ »Свѣта». — А Земскіе Чины, со своей стороны, изъ за откровеннаго желанія пойти на встрѣчу желаніямъ русскаго правительства, согласились на введеніе всеобщей воинской повинности въ Финляндію, несмотря на существованіе на сеймѣ 1877 года весьма сильной принципіальной оппозиціи, въ особенности въ сословіи крестьянъ.

»Свѣтъ» упрекаетъ, прежде всего, Земскихъ Чиновъ 1877—78 гг. въ томъ, что они ввели въ первоначальный проектъ »собственныя» измѣненія и составили вполнѣ обособленный уставъ для Финляндіи. Всѣ эти обвиненія, какъ общеизвѣстно, основательно уже опровергнуты въ всеподданнѣйшемъ отвѣтѣ чрезвычайнаго сейма. Земскіе Чины дѣйствовали при этомъ, на основаніи своихъ естественныхъ правомочій, опредѣленныхъ дѣйствующими основными законами и главнымъ образомъ въ сеймомомъ уставѣ. Эти упреки свидѣтельствуютъ, какъ мы уже раньше упомянули, лишь о полномъ незнаніи, что представляетъ собою правительственное предложеніе. Это не готовый законъ, не окончательное мнѣніе правительства въ законченной уже редакціи, который передается народнымъ представителямъ лишь »къ освѣдомленію», но — проектъ закона, отдаваемый на свободное обсужденіе народнаго представительства. Послѣднее можетъ одобрить его въ неизмѣнномъ видѣ или, какъ обыкновенно бываетъ, подвергнуть его переработкѣ, которую почтетъ необходимой. Въ измѣненной такимъ образомъ формѣ, законопроектъ вновь поступаетъ на благоволзрѣніе монарха; Государь и Великій Князь можетъ или утвердить его безъ измѣненій, въ какомъ случаѣ онъ по обнародованіи получаетъ силу дѣйствующаго закона, или же отказать въ своей санкціи, и тогда все оста-

*) Впрочемъ, состоя на службѣ въ штабѣ финляндскаго военнаго округа, Альфтанъ обогатилъ русскую военную литературу первымъ военно-статистическимъ изслѣдованіемъ о Финляндіи, »Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Финляндія», изданные генеральнымъ штабомъ въ 1859 г., а также и другими трудами.

стся по прежнему. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаяхъ правительство можетъ впослѣдствіи, если признаетъ нужнымъ, снова возбудить вопросъ, выработавъ новое предложеніе, — въ первомъ случаѣ съ проектомъ измѣненій въ послѣдне-утвержденномъ и съ тѣхъ поръ, стало быть, примѣняемомъ законѣ, а во второмъ случаѣ — съ новымъ законопроектомъ. Эти предложенія затѣмъ въ обычномъ порядкѣ должны быть вновь переданы на разсмотрѣніе и одобреніе народнаго представительства, на сеймъ очередномъ, или чрезвычайномъ.

»Свѣтъ» конечно также не постѣснился утвердить*), что финляндскимъ властямъ удалось, безъ вѣдома военнаго министра, получить признаніе особымъ актомъ, четырнадцати параграфовъ, устава о воинской повинности основными законами, т. е. »по понятіямъ финляндцевъ не подлежащими измѣненію безъ согласія сейма». Повѣсть о какомъ-то игнорированіи русскаго военнаго министра совершенно безсмыслена. Военный министръ, напротивъ того, имѣлъ вполнѣ открытый случай высказаться во всемъ касающемся его вѣдомства, т. е. обороны государства — какъ мы это сейчасъ увидимъ; одинаково неясна фраза о томъ, что измѣненіе 14 параѳовъ стало невозможнымъ безъ согласія сейма», вслѣдствіе признанія ихъ основными законами». Но, вѣдь, это справедливо по отношенію ко всѣмъ законамъ, изданнымъ вообще при участіи сейма! Неужели »Свѣтъ» не знаетъ — какъ невѣроятно это, впрочемъ, ни кажется — что выработанный означеннымъ путемъ законъ, всегда имѣетъ характеръ сеймового закона, или иначе говоря, что законъ, состоявшійся при обоюдномъ рѣшеніи сейма и монарха, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть измѣненъ безъ согласія по крайней мѣрѣ трехъ сословій, а для измѣненія основныхъ же законовъ требуется согласное рѣшеніе всѣхъ четырехъ сословій.

Что касается мнимаго незнакомства военнаго министра съ дѣйствительнымъ характеромъ различныхъ параграфовъ въ уставѣ о воинской повинности, »Свѣтъ» только повторяетъ старыя, чрезвычайнымъ сеймомъ уже весьма обстоятельно опровергнутыя утвержденія (стр. 127—134 вссподд. отв.). Впрочемъ, свойство

*) По примѣру военнаго министерства. См. приложенія этого министерства къ правительственнымъ предложеніямъ 1899 года.

основныхъ законоположеній, приданное этимъ параграфамъ, обусловливается соотвѣтствующими положеніями въ прежнихъ основныхъ законахъ страны, являясь такимъ образомъ необходимымъ послѣдствіемъ содержанія оныхъ. Чрезвычайный сеймъ также заявляетъ, что во всеподданнѣйшемъ отвѣтѣ Земскихъ Чиновъ сейма 1877—78 гг., а также и въ представленіи сената не встрѣчается ни одново слова, ни малѣйшаго намека, которое могло бы дать поводъ къ недоразумѣнію въ означенномъ отношеніи. »Въ соотвѣтствіи съ этимъ, военный министръ графъ Милютинъ, ознакомившись со всѣмъ уставомъ о воинской повинности, высказался за утвержденіе его, со включеніемъ, слѣдовательно, также и параграфовъ, которые предполагалось отнести къ числу основныхъ законовъ». »Но независимо отъ дѣйствительнаго характера означенныхъ параграфовъ, графу Милютину все же было извѣстно, что принятый Земскими Чинами законопроектъ, получивши по утвержденіи его монархомъ силу дѣйствующаго для края закона, ужъ не можетъ быть измѣненъ иначе какъ съ согласія Земскихъ Чиновъ». Это чрезвычайный сеймъ доказалъ со всей желательной ясностью. Графъ Милютинъ присутствовалъ именно, когда Императоръ Александръ II, самолично открывая сеймъ 1863—64 годовъ, указалъ на принципъ конституціонной монархіи, какъ на укоренившійся въ нравахъ финскаго народа и запечатлѣвшій законы его и учрежденія;.... Подлиннымъ же доказательствомъ въ томъ, что графъ Милютинъ дѣйствительно зналъ о существованіи конституціи Финляндіи, имѣется въ отношеніи его къ министру статсъ-секретарю отъ 25-го октября 1876 года; въ немъ дѣлается ссылка на »шведскую конституцію 21 Августа 1772 года принятую въ основаніе государственнаго устройства Финляндіи», а также на относящееся сюда основное законоположеніе, »по которому всѣ состоящіе на финляндской службѣ должны быть финляндскіе граждане». »А при такихъ обстоятельствахъ — присовокупляютъ Земскіе Чины — графу должно было быть дѣломъ довольно безразличнымъ, представлялся ли уставъ вопросомъ, рѣшаемымъ тремя или четырьмя сословіями», или иначе говоря, имѣли ли ея параграфы силу обыкновенно сеймового или основного закона.

Что же касается отношенія военнаго министра графа Милютина отъ 31-го іюля 1878 года — въ которомъ онъ изъявляетъ

свое соглашеніе со мнѣніемъ финляндскаго сената относительно выработаннаго Земскими Чинами проекта устава —, то оно такимъ образомъ не даетъ приписываемаго ему (нынѣшнимъ военнымъ министерствомъ) основанія заключить, будто графъ считалъ уставъ о воинской повинности закономъ, который могъ быть измѣняемъ безъ согласія Земскихъ Чиновъ. Военный министръ въ немъ именно различаетъ — какъ справедливо замѣчаютъ Земскіе Чины — съ одной стороны, »подробности и редакцію устава», въ которыхъ, по его мнѣнію, измѣненія могутъ быть легко сдѣланы впослѣдствіи, а съ другой стороны, прочія положенія устава... Но во всемъ отношеніи нѣтъ ни слова о томъ, чтобъ военный министръ предполагалъ возможность внесенія означеннымъ измѣненій »административнымъ путемъ» — какъ »Свѣтъ» старается изложить дѣло.

Къ тому же упомянутое отношеніе военнаго министра »полностью приведено, подлинными же словами, въ протоколѣ Комитета Финляндскихъ дѣлъ отъ 30-го августа 1878 года, на которомъ Государь Императоръ, при всеподданнѣйшемъ докладѣ министра статсъ-секретаря, собственноручно начерталъ свое одобреніе». Далѣе можно бы присовокупить, что »въ повергнутомъ на благовоззрѣніе Монарха протоколѣ Комитета Финляндскихъ дѣлъ отъ 30-го августа 1878 года содержится прямое указаніе, что, вслѣдствіе присвоенія нѣкоторымъ параграфамъ Устава о воинскомъ повинности силы основныхъ законовъ, »означенные параграфы получатъ такое значеніе, что ихъ нельзя будетъ измѣнить иначе какъ съ Высочайшаго почина Его Императорскаго Величества и съ согласія всѣхъ четырехъ сеймовыхъ сословій». Посему обвиненія, взводимыя на давно умершаго финляндскаго министра статсъ-секретаря, вѣрность котораго Монарху не подлежала никакому сомнѣнію, лишены всякаго основанія.»

»Императоръ Александръ II» — указываютъ наконецъ Земскіе Чины — »вполнѣ сознавая юридическое значеніе этого дѣйствія, утвердилъ не только принятый Земскими Чинами Уставъ о воинской повинности, но и опредѣленіе ихъ о включеніи нѣкоторыхъ параграфовъ Устава въ число основныхъ законовъ, послѣ чего Императоромъ подписанъ былъ особый Манифестъ объ этомъ; а это и имѣетъ рѣшающее значеніе.»

Въ послѣдующей статьѣ заявляетъ »Свѣтъ», что Земскіе

Чины въ своемъ проектѣ закона о воинской повинности »лишь отчасти приняли имперскую организацію запаса и ополченія» и увеличили численность финскихъ войскъ отъ 5,600 до 12,000 человѣкъ. Не говоря ужъ о различныхъ прямо непристойныхъ выраженіяхъ по адресу финляндскаго сейма, эти заключенія »Свѣта» являются ужъ слишкомъ общимы и тенденціозными, а потому и требуютъ болѣе точнаго освѣщенія.*)

Какъ извѣстно, чрезвычайный сеймъ рѣшилъ внести въ дѣйствующій уставъ о воинской повинности весьма существенныя измѣненія, какъ въ отношеніи увеличенія тягости воинской повинности такъ и реорганизаціи самой военной системы, проявляя такимъ образомъ свое искреннее желаніе пойти на встрѣчу русскимъ требованіямъ въ предѣлахъ внутренней автономіи Финляндіи.

Введеніемъ, въ 1878 г., организаціи »резерва» или запасныхъ войскъ Земскіе Чины имѣли въ виду, во-первыхъ, достичь возможно равномѣрнаго распредѣленія воинской повинности между всѣми призываемыми къ отбыванію ея. Во-вторыхъ, признавалось, что таковая организація наилучшимъ образомъ приноровлена къ ограниченнымъ рессурсамъ края и вполнѣ отвѣчаетъ общей военной задачѣ: возможно меньшими жертвами создать войско, какъ сильное по численности, такъ и обученное военному дѣлу. Къ тому же резервъ, неся въ военное время также службу во второй линіи, въ крѣпостяхъ, въ городахъ и этапныхъ пунктахъ, имѣлъ большое значеніе въ смыслѣ освобожденія и усиленія полевыхъ войскъ для первостепенныхъ дѣйствій. Теперь же чрезвычайный сеймъ изъявилъ согласіе на уничтоженіе запасныхъ войскъ. Вслѣдствіе этого кореннаго измѣненія, размѣръ повинности въ финскихъ войскахъ будетъ, по образцу вооруженныхъ силъ Имперіи, обнимать лишь двѣ главныхъ категоріи, — службу въ постоянныхъ войскахъ и въ ополченіи, причемъ постоянныя войска составляютъ дѣйствующія войска и запасъ.

---

*) Къ довершенію всего, »Свѣтъ» подъ конецъ украшаетъ свою статью декораціей, характерной для этой газеты и ей подобныхъ — новою ложною цитатой изъ всеподданнѣйшаго отзыва финляндскаго сената. (Слово въ слово какъ у г-на »—ъ»въ »Моск. Вѣд.»).

Прямымъ послѣдствіемъ упомянутаго преобразованія было также удлиненіе срока состоянія въ запасѣ для лицъ, проходившихъ черезъ ряды дѣйствующихъ войскъ, отъ 2 лѣтъ до цѣлыхъ 7. Этимъ обезпеченъ, при оставленіи безъ измѣненія нынѣ дѣйствующаго трехлѣтняго срока дѣйствительной службы, полный контингентъ людей для приведенія войскъ на военное положеніе, для сформированія запасныхъ частей, а также для образованія необходимаго контингента запасныхъ. Неравномѣрное же распредѣленіе военной тягости, свойственное вообще жеребьевой системѣ, сеймъ, слѣдовательно, рѣшилъ своимъ постановленіемъ объ отмѣнѣ запасныхъ войскъ еще больше увеличить. Срокъ зачисленія въ ополченіи удлиненъ также для всѣхъ тремя годами. Но Земскіе Чины въ своихъ уступкахъ шли еще далѣе. Они согласились на измѣненіе основного положенія §§ 1 и 123, гласящихъ, что »военныя силы Финляндіи имѣютъ цѣлью защищать престолъ и отечество, а тѣмъ содѣйствовать также и защитѣ Имперіи». Теперь же дана § 1:му слѣдующая редакція: »Для защиты престола, отечества и россійскаго государства каждый финляндскій гражданинъ подлежитъ воинской повинности на основаніяхъ, симъ Уставомъ установленныхъ.» Сверхъ сего, чрезвычайный сеймъ изъявилъ въ § 123 согласіе на выведеніе дѣйствующихъ войскъ въ военное время за предѣлы края для участія въ дѣйствіяхъ на другихъ театрахъ войны, если только, по ходу военныхъ обстоятельствъ, не требуется оставленія войскъ въ Финляндіи. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ оборона страны должна возлагаться на финскія войска, которыя, по естественнымъ и чисто военнымъ соображеніямъ, предпочтительно предназначаются для этой цѣли. Но Земскіе Чины отмѣнили также § 20, опредѣляющій, что ратники ополченія »могутъ быть созываемы на защиту края лишь при вторженіи въ оный непріятеля». Взамѣнъ его, принята редакція правительственнаго предложенія, согласно котораго ополченцы призываются на службу »лишь при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ военнаго времени». Согласно этому, и ополченныя части могутъ, по законопроекту сейма, быть выводимы изъ Финляндіи для защиты столицы Имперіи. А для отдѣльныхъ ратниковъ ополченія предстояла бы, такимъ образомъ, перспектива быть командированными еще далѣе, такъ какъ существую-

щее доселѣ препятствіе для пополненія дѣйствующихъ частей чинами ополченія предполагалось также отмѣнить.

Требованіе относительно увеличенія военной тягости страны, Сеймъ удовлетворилъ, согласившись на увеличеніе мирнаго состава вдвое противъ прежняго, т. е. отъ 5,600 до 12,000 человѣкъ. А это, въ свою очередь, увеличило бы соотвѣтственнымъ образомъ и военный бюджетъ.

Далѣе встрѣчаются въ всеподданнѣйшемъ отвѣтѣ сейма и многія другія, какъ принципіальныя такъ и редакціонныя измѣненія, принятыя единственно съ цѣлью привести соотвѣтствующіе пункты въ согласіе съ правительственными пропозиціями.

Но если Земскіе Чины и согласились на вышеуказанные фактическіе уступки, они, съ другой стороны, открыто докладывали, что

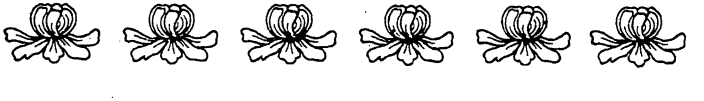
согласно установленному основными законами Великаго Княжества порядку законодательства, выработанный законопроектъ можетъ быть утвержденъ и изданъ лишь въ дословномъ согласіи съ принятымъ Земскими Чинами текстомъ закона.*) Всеподданнѣйше донося, что Уставъ о воинской повинности 1878 года остается въ силѣ до тѣхъ поръ, пока не будетъ замѣненъ или измѣненъ новымъ по сему предмету закономъ, изданнымъ, въ установленномъ основными законами порядкѣ, по согласному рѣшенію Его Императорскаго Величества и Земскихъ Чиновъ, Земскіе Чины считаютъ долгомъ всеподданнѣйше ходатайствовать,

> »чтобы въ случаѣ, если принятое Земскими Чинами постановленіе въ какомъ-либо отношеніи не удостоится Высочайшаго одобренія, Его Императорское Величество соизволили повелѣть выработать и передать Земскимъ Чинамъ Финляндіи, для установленнаго основными законами разсмотрѣнія, новое Высочайшее предложеніе о преобразованіи воинской повинности въ Финляндіи.«

---

*) Курсивъ нашъ.

На этомъ мы покончимъ свой разборъ. Для оріентированія читателя слѣдуетъ къ сказанному еще присовокупить: помимо своихъ ограниченныхъ вышеизложеннымъ образомъ конституціонныхъ правъ Государь и Великій Князь — наперекоръ всеподданнѣйшему отвѣту сейма, поддержанному отзывомъ финляндскаго сената, а также невзирая на мнѣніе громаднаго большинства своего русскаго государственнаго совѣта — единолично, однимъ росчеркомъ пера, утвердилъ изданіе новаго, т. н. закона о воинской повинности въ Финляндіи, подвергая и этимъ свое Великое Княжество Финляндское, совершенно незаслуженно, необозримымъ бѣдствіямъ современнаго неправеднаго режима.



VI.

ИЗЪ СЛУЖЕБНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ДОКТОРА-ЧИНОВНИКА Э. БЕРЕНДТСА. *)

Подобно тому какъ гг. Гольмстремъ & Короленко открыли свой неудачный походъ противъ Финляндіи по почину незаконнаго министра статсъ-секретаря, такъ и сверхштатный чиновникъ при финляндскомъ статсъ-секретаріатѣ, с. с. докторъ Э. Берендтсъ по порученію г:на Плеве составилъ свои книги: »Краткій обзоръ финансовъ и финансоваго управленія Великаго Княжества Финляндскаго» и »Финансовое право Великаго Княжества Финляндскаго въ XIX столѣтіи».

Послѣдній трудъ — довольно тенденціозный и написан-

---

*) Г. Э. Берендтса, по собственно говоря, нельзя причислить къ »финнофобамъ», къ настоящемъ смыслѣ этого слова; но поддаваясь, присвоемъ служебномъ положеніи, извѣстному давленію, онъ тѣмъ не менѣе, успѣлъ уже наложить черезчуръ своеобразный отпечатокъ на свою оффиціальную дѣятельность; поэтому-то мы считаемъ себя не въ правѣ не освѣтить оную надлежащимъ образомъ, ужъ не говоря о томъ, что похищеніе документовъ изъ финляндскаго статсъ-архива само по себѣ составляетъ настолько крупное событіе, что не должно оставаться безызвѣстнымъ русской публикѣ.

ный въ духѣ истаго бюрократа — обнаруживаетъ какое-то личное нерасположеніе автора къ парламентской жизни съ ея элементарными формами для плодотворной законодательной работы. Вообще г. Б. склоненъ видѣть въ естественномъ конституціонномъ развитіи, происходившемъ на строго законной почвѣ, равно какъ и въ просвѣщенномъ уваженіи монарха дѣйствительныхъ нуждъ страны и требованій, обусловленныхъ природою самихъ вопросовъ, какія-то, яко бы, нежелательныя явленія. Однакоже онъ самъ вынужденъ признаться, что, благодаря именно сеймовымъ работамъ, общій прогрессъ Финляндіи сильно поднялся за послѣднее сорокалѣтіе. Что касается чисто матеріальныхъ частностей книги, взятыхъ отдѣльно, то онѣ производятъ на первый видъ впечатлѣніе бо́льшей или меньшей правдивости, за нѣкоторыми, однако, исключеніями. Но при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи его утвержденія не выдерживаютъ критики. Въ общемъ, явно тенденціозное освѣщеніе, односторонній подборъ матеріала, узкость взглядовъ и бюрократическая исключительность ближе всего характеризуютъ означенный трудъ. Для уясненія сказаннаго обратимся къ примѣру.

На стр. 78—79 мы читаемъ: »Соединенные комитеты (сейма), статный и чрезвычайныхъ налоговъ, с т а р а л и с ь д о к а з а т ь*), что гербовый сборъ долженъ принадлежать къ категоріи чрезвычайныхъ налоговъ (bevillning)« ... Выраженіе это сбивчиво и неправильно, возводя на сеймъ тѣнь какихъ-то несправедливыхъ нареканій. Гербовый сборъ на самомъ дѣлѣ, по своему существу, является сеймовымъ обложеніемъ**), что также признавалось и самимъ правительствомъ какъ въ предложеніи, переданномъ сейму 1863—64 гг., такъ и во многихъ случаяхъ. Историческое изслѣдованіе, впрочемъ, даетъ вполнѣ опредѣленный отвѣтъ въ данномъ случаѣ. Въ 1693 году государственные чины вотировали этотъ налогъ на не-

*) Курсивъ нашъ.

**) Шведское слово »bevillning« неудачно переведено »чрезвычайнымъ налогомъ«; точнѣе было бы: сеймовое обложеніе. Точно также »kronans skattkammare« на стр. 11 неправильно передается »казначействомъ короны«, вмѣсто »казны«.

опредѣленный срокъ. Гербовый сборъ получилъ, слѣдовательно, самымъ несомнѣннымъ образомъ характеръ повторяющагося обложенія, но не постоянной подати. Сообразно съ этимъ его могли прекратить, когда угодно. Поэтому-то пренія на сеймѣ 1872 года собственно не касались болѣе признаннаго за гербовымъ сборомъ свойства сеймового обложенія; въ означенномъ отношеніи обѣ стороны были вполнѣ согласны: разногласіе существовало лишь въ отношеніи того обстоятельства, что помянутый сборъ, на основаніи несовершенныхъ порядковъ прежнихъ временъ, записывался на доходъ въ числѣ ординарныхъ государственныхъ суммъ. Впослѣдствіи эта несообразность, какъ извѣстно, была устранена. Такимъ образомъ гербовый сборъ, какъ юридически, такъ и фактически, включенъ въ число средствъ, поступающихъ по праву самообложенія.

Далѣе говорится довольно лаконически на стр. 104: »... нѣкоторыя ставки гербоваго тарифа въ правительственномъ проектѣ были повышены въ виду уменьшенія дохода отъ гербоваго сбора въ періодъ 1868—1872 г. Земскіе Чины не согласились на повышеніе гербоваго сбора». Намъ кажется, что автору вмѣнялось бы въ обязанность объяснить, почему именно Земскіе Чины не согласились на такое повышеніе. Мотивомъ для этого послужило то, что новыя государственныя потребности, на удовлетвореніе которыхъ долженъ бы поступать гербовый сборъ въ увеличенномъ размѣрѣ, не были указаны, а потому Земскимъ Чинамъ трудно было судить о необходимости требуемаго повышенія. Въ виду этого Сеймъ и присоединилъ къ вотированію гербоваго сбора на наступающія 5 лѣтъ условіе, чтобы слѣдующая пропозиція Сейму о гербовомъ сборѣ содержала обозначеніе цѣлей, на покрытіе которыхъ предназначенъ доходъ отъ гербоваго сбора, и чтобъ отчетъ о его расходованіи былъ представленъ Сейму наравнѣ съ прочими видами обложенія (bevillningsmedel). Правительство однако, по представленію финляндскаго же сената, къ сожалѣнію отклонило это совершенно основательное заключеніе Сейма. Вообще инсинуаціи г. Берендтса какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ являются лишенными дѣйствительнаго основанія.

Въ числѣ частныхъ неточностей, встрѣчаемыхъ въ сочиненіи г. Берендтса, укажемъ на слѣдующую. На стр. 6 г. Б. совер-

шенно правильно приводитъ изъ § 2 дѣйствующей Формы Правленія 1772 года: »Королю надлежитъ управлять государствомъ, какъ то постановлено въ законѣ», но засимъ въ выноскѣ спѣшитъ сдѣлать оговорку: »Подъ закономъ Швеціи въ данномъ случаѣ понимали королевскій отдѣлъ земскаго уложенія 1442 г.» А между тѣмъ — еслибъ г. Б. потрудился прочесть цитируемый имъ параграфъ до конца — онъ тутъ же увидѣлъ бы, что подъ закономъ въ данномъ случаѣ слѣдуетъ дословно разумѣть гораздо болѣе, а именно: »Королевскій Законъ, Земское Уложеніе и сію Форму Правленія».

Наконецъ мы не можемъ не отмѣтить слѣдующаго поразительно циничнаго отношенія г-на Берендтса къ основнымъ положеніямъ права. Пользуясь одной изъ многочисленныхъ реторическихъ фразъ Бисмарка — этого глубоко безнравственнаго политика и виновника нга современнаго милитаризма — г. Берендтсъ на стр. 75 довольно наивно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и смѣло выступаетъ съ совсѣмъ чуждой правознанію »доктриной», или точнѣе говоря, софизмомъ слѣдующаго содержанія: »такъ какъ теченіе государственной жизни не можетъ прекратиться, то конфликты становятся вопросами силы. Кто обладаетъ силою, тотъ идетъ впередъ по своему усмотрѣнію, ибо государственная жизнь ни можетъ остановиться ни на одну минуту....» Говоря другими словами, г. Берендтсъ въ нашемъ двадцатомъ столѣтіи, ни чуть не смущаясь, является поборникомъ открытаго насилія, казуистическаго правила что »право должно уступать силѣ»; такимъ образомъ онъ — рисующійся титуломъ доктора правъ (или вѣрнѣе доктора финансоваго права) — открыто проповѣдуетъ какое-то средневѣковое »кулачное право», или уничтоженіе по усмотрѣнію правительствъ всѣхъ прочныхъ гарантій »правового государства». Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что признаніемъ таковыхъ ученій открывался бы de facto лишь широкій путь къ полнѣйшему произволу и грубому насилію во всѣхъ областяхъ и проявленіяхъ общественной жизни. Что, впрочемъ, касается примѣра Бисмарка, то даже и онъ подъ конецъ парламентскаго конфликта въ Пруссіи вынужденъ былъ преклониться передъ правомъ: непосредственно послѣ кампаніи 1866 г. правительство внесло въ парламентъ свой проектъ объ »индемнитетѣ»,

что уже имѣло для страны существенное значеніе въ смыслѣ отпущенія грѣховъ правительства и признанія неприкосновенности парламентскаго образа правленія. Политика Бисмарка, какъ оказалось, съ теченіемъ времени выросла, его горизонтъ какъ государственнаго мужа расширился, и онъ понялъ, что Пруссія только тогда можетъ сохранить свое достоинство, честь и авторитетъ, когда »правовое государство» будетъ возстановлено въ ея собственныхъ предѣлахъ, въ полномъ своемъ объемѣ. Но вернемся къ г:ну Берендтсу. Если его слово на самомъ дѣлѣ является отголоскомъ или выраженіемъ какихъ-либо мнѣній среди извѣстныхъ бюрократическихъ кружковъ въ Россіи, то мы тутъ, опять-таки, имѣемъ лишь новое прискорбное доказательство нравственной неразвитости и развращенности этихъ самыхъ сферъ.

Болѣе обстоятельныя подцензурныя рецензіи его книги напечатаны: въ »Русскихъ Вѣдомостяхъ» N:o 104 1901 г., въ »Hufvudstadsbladet» отъ 10-го марта, »Finsk Tidskrift» 1901 г., первое полугодіе, стр. 263 и т. д.

* * *

Нынѣ г. Б. читаетъ, по распоряженію своего же господина, при С. Петербургскомъ университетѣ лекціи извѣстной окраски и направленія по финляндскому государственному праву. Можно себѣ представить, насколько эти лекціи будутъ соотвѣтствовать дѣйствительному положенію Финляндіи, вѣчнымъ и непреложнымъ принципамъ государственнаго права!

Г. Б., впрочемъ, извѣстенъ финляндской публикѣ какъ исполнитель придуманнаго г:мъ Плеве плана о похищеніи историческихъ, для финляндскаго государственнаго права существенноважныхъ, документовъ и актовъ за періодъ 1809 —25 *) изъ финляндскаго статсъ-архива, съ цѣлью перевода ихъ въ Петербургъ. Все это дѣло было обставлено величайшей таинственностью: самый планъ и его цѣль не были извѣстны въ статсъ-секретаріатѣ никому,

*) Въ томъ числѣ и протоколы боргоскаго сейма.

кромѣ самого иниціатора, а также выполненіе вообще произведено при условіяхъ, сильно напоминающихъ о сыщицкомъ прошломъ г:на Плеве. Итакъ въ среду 13-го февраля въ финляндскій статсъ-архивъ явился г. Б., предъявивъ предварительно въ канцеляріи генералъ-губернатора собственноручное письмо г:на Плеве о Высочайшемъ соизволеніи — какъ въ немъ значилось — на переводъ поименованныхъ выше документовъ въ архивъ русскаго государственнаго совѣта. Г. Б., имѣя съ собою курьера и порожніе ящики, изъявилъ желаніе въ тотъ же вечеръ съ ночнымъ поѣздомъ вернуться въ Петербургъ. Все это довольно характерно. Не выслушавъ предварительно мнѣнія императорскаго финляндскаго сената, г. Плеве — служебному положенію котораго, въ качествѣ докладчика, отнюдь не присвоено право какого-либо самостоятельнаго почина — выхлопатываетъ себѣ означенное »всемплостивѣйшее» соизволеніе (если только онъ это сдѣлалъ въ дѣйствительности); а впослѣдствіи дѣйствуетъ, такъ сказать, за спиною сената, т. е. безъ вѣдома онаго и помимо него. Озадаченный архиваріусъ, разумѣется, отказался исполнить столь несообразное предписаніе объ отдачѣ финляндской государственной принадлежности не подлежащему, т. е. русскому, учрежденію, указывая г:ну Б., что настоящій путь его, во всякомъ случаѣ, идетъ черезъ финляндскій сенатъ. Г. Б. вынужденъ былъ подчиниться этому законному требованію. Но даже самъ вице-предсѣдатель сената, находившійся въ это время случайно въ Петербургѣ и которому статсъ-архивъ непосредственно подвѣдомственъ, ничего не зналъ объ этомъ новомъ покушеніи, пока его не попросили по телеграфу обратно въ Гельсингфорсъ. Разумѣется, такое своеобразное событіе не могло не вызвать всеобщаго и непріятнѣйшаго удивленія въ Гельсингфорсѣ. »Финляндское Научное» и »Историческое» общества, а также »Шведское Литературное общество» подали въ сенатъ ходатайства о Высочайшемъ разрѣшеніи оставить означенные акты, въ качествѣ финляндскаго національнаго достоянія, и впредь на храненіе въ финляндскомъ статсъ-архивѣ. Съ тою же цѣлью и частная петиція, подписанная 850 женщинами-представительницами гельсингфорсскаго общества, была подана на имя вице-

предсѣдателя сената. Вотъ текстъ ходатайства »Историческаго общества».

»Финляндское Научное общество, въ цѣли коего входитъ попеченіе о научныхъ изслѣдованіяхъ въ краѣ во всѣхъ областяхъ, будучи озабочено дошедшимъ до него свѣдѣніемъ о возбужденіи вопроса о переводѣ изъ здѣшняго Статсъ-Архива въ С. Петербургъ оффиціальныхъ актовъ, касающихся управленія Финляндіи въ первое время по соединеніи края съ Россіей, считаетъ долгомъ всеподданнѣйше донести Вашему Императорскому Величеству о важномъ значеніи, какое имѣютъ означенные акты въ частности для изслѣдованія исторіи края, и о потерѣ, какую понесла бы эта наука, если бы она лишилась этихъ актовъ или если они стали бы менѣе доступными для нея. Въ этихъ актахъ несомнѣнно содержатся важные историческіе матеріалы, не вполнѣ еще изслѣдованные, которые могутъ быть надлежащимъ образомъ оцѣнены и правильно освѣщены лишь лицами вполнѣ знакомыми съ правовымъ строемъ и исторіею Финляндіи. Такъ какъ означенный историческій матеріалъ удобнѣе всего можетъ быть разработанъ финляндскими историками и законовѣдами и онъ навряд ли будетъ въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ хранится столъ заботливо какъ въ здѣшнемъ Статсъ-Архивѣ, гдѣ имѣется для этого подходящее и достаточное мѣсто и гдѣ онъ является вполнѣ доступнымъ для туземныхъ и иностранныхъ изслѣдователей, то Научное общество осмѣливается всеподданнѣйше ходатайствовать, чтобы Вашему Императорскому Величеству благоугодно было Всемилостивѣйше оставить безъ послѣдствій вопросъ о переводѣ упомянутаго матеріала изъ Финляндскаго Статсъ-Архива.»

Всеподданнѣйшее ходатайство »Историческаго общества» имѣло слѣдующее содержаніе:

»Въ виду того, что до свѣдѣнія Финляндскаго Историческаго общества дошло, что возбужденъ вопросъ о переводѣ дѣлъ Финляндскаго Статсъ-Секретаріата за 1809—1825 гг. изъ Финляндскаго Статсъ-Архива въ архивъ Государственнаго Совѣта въ г. С. Петербургѣ, Финляндское Историческое общество осмѣливается обратиться къ Вашему Императорскому Ве-

личеству съ всеподданнѣйшимъ ходатайствомъ, чтобы Вашему Императорскому Величеству благоугодно было Всемилостивѣйше принять въ уваженіе затрудненія, которыя возникли бы для изслѣдованія финляндской исторіи вслѣдствіе означеннаго перевода дѣлъ. Исторія Финляндіи является по преимуществу исторіею культуры. Непосредственныя точки соприкосновенія съ міровой политикой весьма немногочисленны. Акты, хранящіеся въ нашихъ архивахъ, поэтому и освѣщаютъ главнымъ образомъ лишь нашу внутреннюю законодательную работу, наше экономическое развитіе и состояніе нравовъ въ отдѣльные періоды. Для изслѣдователей не-финляндцевъ они могутъ представлять интересъ лишь въ видѣ исключенія; для финляндскихъ же изслѣдователей они являются главнымъ источникомъ при описаніи судебъ ихъ родины. Слѣдовательно, чисто научные интересы требуютъ храненія сихъ актовъ въ краѣ, гдѣ они имѣютъ значеніе какъ научный матеріалъ и доступны для изслѣдователей отечественной исторіи. Если акты, относящіеся къ столь важному періоду исторіи Финляндіи, будутъ переведены изъ нашихъ собственныхъ архивовъ, то окажется непополнимый пробѣлъ въ коллекціяхъ ихъ, и основанное на подлинныхъ источникахъ описаніе означеннаго періода должно пострадать отъ этого. Такъ какъ Финляндскій Статсъ-Архивъ доступенъ для всѣхъ и такъ какъ русскія власти по требованію могутъ получать оттуда какіе угодно документы, то по мнѣнію Историческаго общества упомянутое перемѣщеніе актовъ и не вызывается какою-либо дѣйствительною потребностью. Уповая на высокопросвѣщенное попеченіе Вашего Императорскаго Величества о наукахъ, Финляндское историческое общество всеподданнѣйше ходатайствуетъ, чтобы Вашему Императорскому Величеству благоугодно было Всемилостивѣйше разрѣшить хранить и впредь вышеупомянутые акты, въ качествѣ финляндскаго національнаго имущества, въ Финляндскомъ Статсъ-Архивѣ.»

Всѣ вышеизложенныя ходатайства, оказались — по обыкновенію — безуспѣшными. Г. Б., разъ уже вернувшійся съ пустыми руками въ Петербургъ, снова явился въ Гельсингфорсъ со своими ящиками и на этотъ разъ увезъ свою своеобразную добычу —

нѣсколько возовъ драгоцѣннѣйшихъ документовъ »на храненіе» въ — Петербургъ....

И долго ли Финляндіи придется ждать возвращенія того, что и въ данномъ случаѣ по праву составляетъ ея принадлежность ....

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

ПОПРАВКИ.

Стран.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
25	9-10 снизу	на	противъ
46	15 сверху	шаувинизма	шовинизма
54	18 »	предпринятой	предпринятомъ

На стр. 43, строкѣ 2 снизу показаніе »Сына Отеч.» о процентномъ отношеніи цѣнностей экспорта и импорта Испаніи за 1897 г., надо полагать, неправильно; согласно »Almanach de Gotha» это отношеніе составляетъ 118 %.